

18+

Максим Сергеевич
Евсеев

За Дверью

Максим Сергеевич Евсеев

За Дверью

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66553900

ISBN 9785005543745

Аннотация

Будничный и хитрый педофил терроризирует крупный провинциальный город начала 2000-ых. Он живет в панельке, смотрит телевизор и ходит на простую работу. Больше всего на свете он любит цветы и своих жертв ассоциирует с ними. По классическим лекалам, на его поимку отправляют вечно уставшего следователя с желанием как можно скорее покончить дело. Вот только в процессе смертельной игры двух архетипов возникают два вопроса: как вычислить такого убийцу среди толпы и при этом не стать подобным ему?

Содержание

Предисловие	5
Часть I	7
«Всплыть в Петрозаводске»	8
«Здорово и вечно»	29
«Родственник»	51
«Все как у людей»	77
«Презумпция виновности»	99
«Слом»	119
«Вершки и Корешки»	138
Часть II	162
«Актер»	163
Конец ознакомительного фрагмента.	169

За Дверью

Максим Сергеевич Евсеев

© Максим Сергеевич Евсеев, 2021

ISBN 978-5-0055-4374-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Нет опаснее человека, чем человека без совести.

Бегите от него...

Предисловие

Книга перед вашими глазами является не просто художественной работой с полноценным сюжетом и полностью выдуманными персонажами. Это труд-рассуждение, посвященное такому интересному и страшному общественному явлению, как психопатия. Автор романа ознакомился с целым рядом научно-популярных произведений по данной тематике для того, чтобы написать интересную историю с правдоподобными персонажами, обладающими любопытными и цельными характерами.

«За дверью» – это не научный труд с заумным текстом и шаблонными избитыми уловками. Это история, призванная объединить в себе сразу несколько жанров. Настоящее убежище ждет как любителей расслабиться легким чтивом под вечер, так и тех, кто обожает искать скрытые смыслы и суть сюжетных ходов. Все эти страницы – ваши от начала и до конца.

Произведение не пренебрегает пошлостью, но ценит тонкий подтекст и активно использует его. Любители детектива смогут по достоинству оценить сюжетные повороты этого произведения и ходы его героев. Ценители триллера найдут в романе достойную их внимания интригу и исчерпывающую развязку. Поклонников драмы ждет настоящая страсть и подвижность в героях. Эти жанры автор постарался соеди-

нить воедино для того, чтобы создать тонкую исследовательскую работу с привлечением как можно большего количества интеллектуальной аудитории. Впрочем, время не ждет. Приятного чтения...

Часть I

*«А моя душа захотела на покой
Я обещал ей не участвовать в военной игре...
...Лихой фонарь ожидания мотается
И все идет по плану»
Е. Летов «Все идет по плану»*

«Всплыть в Петрозаводске»

В Петрозаводске нашли труп. Бездыханное тело 9-летней девочки обнаружили в небольшом лесочке на границе города. Под талым снегом апрельских сугробов скрывалось бесформенное месиво из человеческих органов и иссохшей от времени кожи. Маленькая школьница лежала головой вниз на спине. Ее шея прогнулась, не в силах сдерживать голову и та безвольно упала на плотный снег. Руки раскинулись по сторонам, изображая распятого Иисуса. Глаза безжизненно смотрели в небо.

Над телом возвышался человек в сером пальто и с заляпанными грязью брюками. Михаил Иванович Крылов уныло вглядывался в беззаботное выражение лица юного создания. На некоторое время ему показалось, будто девочка дышит и даже моргает. Но на поверку уставший после бессонной ночи следователь видел лишь то, что хотел бы увидеть. Тело лежало также неподвижно, как и минуту назад. Как и неделю назад.

– Бедняжка здесь уже недели три лежит, а может и больше. Голос судмедэксперта выдавал авторитетные и внушительные выводы. Высокий 60-летний мужчина осматривал труп еще до приезда Крылова и уже успел начертать черной ручкой небольшие записи в своем маленьком блокнотике. Сделав небольшую паузу для вдоха, он продолжил:

– Странгуляционная асфиксия. Ее душил плотный мужчина средних лет и сил у него было хоть отбавляй. Там на шее, если присмотритесь, увидите несколько полосовидных ссадин. Такое часто возникает, когда жертва сопротивляется и убийца усиливает хватку. – Эксперт говорил буднично и постоянно поглядывал на часы. – Ну и тело уже обмякло все, от лица ничего не осталось. Вы человек опытный, понимаете о чем я.

– Ее насильовали? – Спросил несколько осипшим от похмелья голосом Крылов.

– Да, там все влагалище разворочено, нетерпеливый был, ну или явно хотел причинить ей как можно больше боли. От плевых выводов толком не осталось. Ну это первые выводы, подробнее скажу только после подробного осмотра.

– Вскрытие, как я полагаю, уже не поможет?

Следователь в сером пальто и такой же серой кофте сверлил равнодушным взглядом труп и не отводил от него глаз. Ему самому все понятно, однако спросить знающего человека все равно никогда не помешает.

– Да вы смеетесь? Тут труп как минимум три недели, на холоде он медленнее разлагается, но все равно срок большой. Тут причину смерти только по внешним признакам определить можно.

Судмедэксперт сплюнул в снег. Он все время вздыхал и смотрел на часы, руки трясло. Промокшие от талого снега ноги не давали ему покоя. Старик регулярно смотрел вниз

и чавкал носками.

– Товарищ капитан, я там неподалеку цветок нашел.

К Крылову подбежал юный сержант с автоматом наперевес. Его удивленное лицо выглядело так, будто он нашел еще одно несчастное тело неподалеку. Крылов неспешно перевел взгляд от трупа девочки на молодого человека и медленными шагами пошел в его сторону.

– Что там у тебя, сержант?

– Да вот смотрите, тут цветок лежит и трусики ее похоже. – Сержант старался не смотреть на собственную находку, но любопытство брало верх над отвращением.

Сыщик направился за сержантом, но несколько не поспевал за наглой прытью молодого человека. Следовательно, столь уставший за утро и ночь, физически не мог позволить себе быстро перемещаться по тяжелому вязкому снегу.

Сержант привел его в небольшой овраг примерно в пятидесяти метров от трупа. На небольшой глубине лежали женские белые трусики и увядший цветок. Крылов осторожно приблизился к лежащим на снегу предметам, каждый шаг давался ему с большим усилием, так как бледно-желтые старинные туфли сплошь заливало водой.

– Ты это трогал?

– Нет, как увидел, сразу вас позвал.

– Позови его, как его...

– Степана Викторовича?

– Да.

Сержант убежал за Ермиловым и еще двумя помощниками, пока Крылов подобрался по следам сержанта еще ближе к находке. Его рука брезгливо потянулась к насквозь пропитанным талой водой трусам и иссохшему растению.

Изрядно пожухший синий цветок напоминал незабудку. Крылов не сильно разбирался в цветах и в том, как их между собой различать, но какой-то вывод сделать смог. Следователь достал из внутреннего кармана пальто два небольших целлофановых пакетика и сложил улики отдельно друг от друга. Осмотром девичьего нижнего белья он побрезговал, решив оставить это дело судмедэксперту.

Крылов осторожно повернул назад в направлении тела. К нему уже шел Степан Викторович и трое сержантов с автоматами наперевес. Ермилов пренебрег верхней одеждой и ограничился легкой кофтой, так как от постоянного движения по плотному талому снегу у него уже появилась одышка.

– Ну, что вы там откопали?

Небритый бледный следователь осторожно вынул два целлофановых пакетика со свежими уликами. Голову с черной копной густых волос он постарался отвернуть, дабы не смотреть на находку. Его темно-зеленые глаза больше приковывали голые деревья и небо, проходящие через нежный этап ранней весны.

– Ух ты, а я отсутствие нижнего белья у девчонки и не заметил. А вот цветок тут вообще выглядит лишним, ваш?

– Рядом с трусиками лежал, надо приобщить.

– Как скажете, товарищ капитан, мое дело хозяйское. Все, что тут найдено, следует приобщить, а заодно и постирать.

– Не бубни, делай свою работу.

Спокойный властный голос Крылова покрывал все окружающее пространство. Но сквозь этот тяжелый баритон явно просматривалась тихая злость. Выражение его небритого лица сверкало необъяснимым презрением. Особенно оно увеличивалось, когда взгляд следователя падал на труп девочки. Бледноватое с похмелья лицо сыщика с маленькими морщинистыми бровями смотрело напряженно на все вокруг, не только на убитую школьницу.

– Кто нашел тело и при каких обстоятельствах?

Один из милиционеров смерил взглядом труп и сдержанно ответил:

– Товарищ капитан, тело нашли местные экологи сегодня ранним утром. Как только мы получили сигнал и сообщили в Петербург о случившемся, прислали вас. Приказали не начинать осмотр без вашего присутствия.

– Где эти экологи?

– Мы взяли с них протокол, имена и... В общем как полагается и отпустили по своим делам.

Крылов хмуро повел тонкой бровью и приподнял необычайно острый подбородок.

– И чем они тут занимались вообще, вы спрашивали?

– Да, конечно, они брали снег на пробу, показали нам образцы и лицензию. Да и телу уже много дней, вряд ли бы

преступники захотели его обнаружения именно таким способом.

– Подумаем над этим, а пока держите их в поле зрения.

Сержант Глебов осторожно подошел к телу девочки и с нескрываемым любопытством осмотрел его. На молодом лице 24-летнего милиционера проступили морщины то ли от желания все изучить, то ли от отвращения. Сержант приблизился вплотную и стал осматривать ее с головы до ног.

Маленькое создание лежало лицом вверх, раскинув руки. Темно-синяя, промокшая куртка страдала от многочисленных порезов и разрывов. Даже невооруженным взглядом было видно, что девочка яростно сопротивлялась, но не сумела ничего противопоставить физически сильному убийце. Лицо, изрезанное настом и засохшее от начавшегося разложения все еще таило нескрываемую маску ужаса и боли. Посиневшая шея ребенка казалась неестественно истонченной. Сержант прикрыл глаза и отошел назад, поближе к остальным. Он в первый раз в жизни видит такой лютый ужас.

– Глебов, отойди от нее. – Приказал ему Степан Викторович, доставая очередную сигарету.

– Мне оттащить?

– Обожди, надо еще труповозку подождать минут десять, скоро подъедет.

Крылов сухими толстыми пальцами достал из серебристой пачки сигарету и неспешно запихнул ее в небольшой рот. Каждый раз этот ритуал сопровождался пространством

взглядом вниз. Вот и сейчас опытный питерский следователь не отказался от своей привычки и, как бы отстранившись от происходящего, ушел в себя.

Но не надолго, так как из состояния прострации его вывел безразличный бас Степана Викторовича.

– Вы к нам надолго?

Крылов несколько помедлил с ответом, отчасти потому, что сам его не знал. Не знал настолько, что даже раскрыл на короткое время ладони.

– Не знаю, решим с этим делом да назад поеду.

– А вы с Бельцером пересекались?

– Если это мозгоправ ваш, то нет еще.

Ермилов, видя тщетность попыток разговорить собеседника, прекратил разговор и бросил докуренную сигарету на землю. Тем временем метрах в ста от них послышался шум мотора и громкие брызги луж. В связи с чем судмедэксперт нетерпеливо побрел к источнику звука.

– А вот и труповозка.

Крылов же не спешил докуривать. Его взгляд снова устремился вниз. Должно быть его не волновали ни промокшие ноги, ни труп девочки, весь избитый дождями, водой и снегопадами. Только спустя минуту он отвел взгляд и обратился к рядом стоящему Глебову.

– Сержант, заберите тело, погрузите в машину.

– Есть, товарищ капитан.

Он и еще двое милиционеров помладше пошли к толь-

ко что прибывшей машине за носилками. Крылов же закурил сигарету, прокашлялся и со вздохом бросил взгляд на тело, наполовину погруженное в холодную талую воду. Затем опытный детектив посмотрел вдаль. Сквозь оголенные кроны деревьев он зорким орлиным глазом увидел очертания панельных пятиэтажных домов. Глазомер сыщика показал, что до этих сооружений примерно километр. Крылов опустил взгляд на снег возле тела в поисках человеческих следов, однако первый осмотр ничего не дал. Никаких отметин на траве и снегу не наблюдалось. Даже зайцы и белки обходили это место стороной.

Следователь осмотрел также еще не сошедший снежный покров со своей стороны. Вокруг трупа изрядно потоптались и он, и другие сотрудники МВД. Крылов вздохнул, искать преступника по следам обуви уж точно бесполезно.

Ему пришла в голову мысль о том, что тело девочки могло сюда попасть недавно, а само убийство преступник совершил в другом месте. Но тогда как объяснить, что никаких следов не осталось? По снегу и грунту следователь решил, что дождя или снега не наблюдалось как минимум неделю, несмотря на пасмурную и унылую погоду. Да и даже после длительных осадков человеческие следы все равно можно отыскать и различить между собой.

Крылов широкими шагами пошел к дороге, тут и там проваливаясь в плотный глубокий снег. Обмерзшие руки он старался держать в глубоких карманах, однако из-за постоян-

ной потери равновесия приходилось выходить из зоны комфорта и стараться балансировать, иногда прибегая к помощи окружавших деревьев.

Мимо Крылова пробежало трое с носилками. Энергичные молодые люди были обуты в теплые непромокаемые берцы и явно не испытывали того дискомфорта, который может возникать от попадания холодной воды в ботинки. Крылов вдогонку им бросил:

– Понежнее с ней!

Из служебного УАЗа вышел мужчина лет пятидесяти пяти и, щурясь от солнца, обратился к подошедшему Крылову:

– Здравия желаю, товарищ капитан, давайте знакомиться.

Бельцер Александр Германович, штатный психолог Петрозаводского отделения МВД, в звании капитана.

Крылов, с полностью мокрыми брюками недовольно окинул седого, но крепкого мужчину и с едва скрываемым презрением приблизился к коллеге:

– Михаил Иванович Крылов, следователь. Капитан.

– Я смотрю, дело важное, раз вы к нам. Может чай выпьем, а там и по делу поговорим?

Кожаная куртка мозгоправа блестела на солнце. Начищенные ботинки и демонстративная белозубая улыбка выдавали в нем педанта, находящегося в исключительно хорошем настроении. Даже факт убийства с изнасилованием явно не мог сегодня испортить его.

Крылов обошел карету скорой помощи, переоборудован-

ную под перевозку тел умерших и открыл хлипкую дверь служебного УАЗа. После времени, проведенного на свежем лесном воздухе он явно больше не стремился оставаться на улице. Лишь отойдя от психолога на приличное расстояние, он бросил:

– Не люблю общаться с психологами, уж извините.

Бельцер не стал идти за нелюдимым следователем, вместо этого он осмотрел лес и оценил обстановку вокруг. Небольшие серые глаза смотрели на голые деревья, одиноких птиц. Покрасневшие от холода уши прислушивались к пению птиц, гулу веток. Морщинистая сухая кожа улавливала каждое дуновение ветра. Преступник, скорее всего, не продумывал свое злодеяние, а совершил его спонтанно. Но кто бы это не был, он явно убивал с упоением и страстью. К такому выводу пришел опытный психолог.

Через несколько минут к труповозке поднесли девочку на носилках. Бесформенная органическая масса, уже почти непригодная к анализу, выглядела так, будто ее разорвали изнутри. Бельцер сумел рассмотреть огромные высохшие и почерневшие пятна крови, покрывавшее утепленную юбку девочки. Глаза у психолога округлились, щеки покраснели. Работа предстоит тяжелая и нервная.

– Фотографии сделали? – Спросил из машины Крылов.

Запыхавшийся сержант утвердительно кивнул. Ермилов тем временем осматривал цветок, однако ничего не найдя, положил его обратно в пакет и сел в труповозку. Бельцер все

еще стоял и осматривал лес. Затем он повернулся к УАЗу и спросил Степана Викторовича:

– Сколько времени вам понадобится?

– Часов шесть, может семь. В общем, к вечеру управлюсь.

Тучный мужчина снова закурил. Он явно не хотел бы сегодня оставаться наедине со своей работой, именно поэтому его ноги смотрели куда угодно, но только не в направлении сгнившей школьницы.

– Ну, мы поедем или нет? – Нетерпеливо крикнул он.

– Сейчас, дай докурить. – Ответил ему Бельцер.

Мозгоправ продолжал мотать головой и оглядываться. Сигарета его явно не заботила так, как возможность заняться настоящей работой. Однако он не любил заставлять людей ждать и сразу после недовольных возгласов сержанта, уже усевшегося за руль, почесал уши и направился к УАЗу.

– Михаил Иванович, что думаете? – Спросил психолог, открывая дверь машины и садясь внутрь.

Крылов чуть отодвинулся и задумчиво взглянул на обшивку старенькой служебной машинки. Мысли его явно витали где-то вдали. Но на прямой вопрос от психолога он ответил четко:

– Думаю, что у нас сегодня будет много работы.

Бельцер еще раз улыбнулся, обнажив кривые, но белые зубы. Опытный психолог с большим стажем работы и многочисленными уголовными делами за спиной сразу разглядел в приезде одиночку с выраженным чувством собственной

важности. Бельцер очень «любил» таких персонажей за их очевидные слабости. А именно за глупость, самоуверенность и за неразборчивость в людях. Вот и Крылов для него стал таким же.

Обе машины тронулись с места, покидая залитый апрельским солнцем лес. Впереди у них блестел Петрозаводск во всей своей грязной весенней красе. Старые домики и скупенные группы многочисленных луж несколько тормозили движение машин, из-за чего дорога до отделения вместо стандартных двадцати минут заняла почти сорок.

Александр Германович очень гордился своим городом и желая показать его приехавшему следователю, с довольным выражением лица обнажил белые зубы и пытался завести разговор. Уставший же после бессонной ночи Крылов не замечал жестов стареющего, но активного психолога. Следователь закутался в свое теплое осеннее пальто и вырубился как только они все сели в машины. Хоть немного, но ему нужно отдохнуть.

– Может пора поработать?

Недовольный, но бодрый голос патологоанатома был адресован Степану Викторовичу. Он надрывно кашлял после очередной выкуренной сигареты.

Ермилов выкинул в угол комнаты окурок, подтянул пояс на штанах, прочистил голос и с авторитетным видом загово-

рил.

– У девчонки язык отсутствует. Она пыталась кричать, но прокусила его и следом проглотила. Это моя гипотеза, думаю, она верна. Дальше, убийца забрал с собой один из ее внутренних органов. Судя по надрезу на правой части живота, ему приглянулась печень. – Степан Викторович посмотрел на патологоанатома. – Вообще это ты должен говорить, а не я.

Крылов, стоявший прямо у изголовья жертвы, внимательно следил за ходом осмотра. Он сложил руки за спиной и расставил ноги на уровне плеч. Всем своим видом он старался внушить себе и окружающим уверенность и бодрость. Его среднего по меркам мужчины роста вполне хватало, чтобы смотреть на все немного свысока.

Патологоанатом, высокий худой мужчина лет пятидесяти, дотошно осматривал каждый сантиметр тела. К его сосредоточенности и внимательности прибавлялась еще какая-то поэтичность, будто он представлял себе свою собственную работу как возможность попробовать себя в высоком искусстве.

– Что еще сказать, язык она себе перекусила. И пара ногтей оторвались. Возможно она сумела поцарапать или еще как-то повредить кожу убийцы. Правда эпителия под ногтями найти не могу, много времени прошло, да и тело лежало в неблагоприятных погодных условиях.

– Сколько точно она там пролежала? – Спросил Крылов,

сверля взглядом заплывшие глаза девочки. Его острый подбородок оставался неподвижным.

– Примерно три недели, плюс-минус 3 дня. Точно определить сложно. Судя по всему, ее пытались спрятать под снег, дабы никто не нашел. Но убийца явно не рассчитал, что сейчас из-за подтаявшего снега все говно лезть будет, в том числе и его неудачная работа.

– Почему именно неудачная?

– Потому что спонтанная и не отточенная. Он даже задуть ее не смог нормально. Девчонка умерла не от асфиксии, а от обморожения.

В разговор вмешался судмедэксперт. Степан Викторович в момент выводов коллеги рассматривал фотографии с места преступления, надеясь скоротать время, однако вывод патологоанатома показался ему неверным.

– Вздор! Посмотри на шею, тут полно полосовидных ссадин, она элементарно не могла дышать.

– Вижу, но он не дождал ее. В легких еще оставался кислород, она потеряла сознание, но сердце еще билось, когда убийца ушел. Вполне вероятно она протянула еще около часа, пока от полученных травм и холода не скончалась.

Крылов наблюдал за спором будто со стороны. Ноги он расставил еще шире. Все еще сонный следователь с проступающими мешками под глазами всеми силами старался сохранить бодрость и работоспособность. Но чтобы показать здешним, что и он что-то да смыслит, Крылов понизил тон

своего голоса и заявил:

– Как именно она все же умерла? Разберитесь уже.

В холодное белое помещение вошел Бельцер с одним из сотрудников и неприметно сел на одно из свободных мест, коих в морге было в достатке. Мужчина оглядывался по сторонам и терпеливо ждал своей минуты.

– Одежду при ней нашли? – Спросил патологоанатом у вошедших.

– Да, и даже шапка была не ней. – Заявил Глебов.

В разговор вмешался Ермилов, он все еще считал, что девочка умерла от удушья:

– Единственный признак обморожения я заметил только на внутренней поверхности бедер, что неудивительно, так как ее изнасиловали и выкинули всю нижнюю одежду. Сами понимаете, что спустя три недели трудно точно установить причину смерти, особенно зимой.

Степан Викторович покосился на патологоанатома и затем устался на капитана, как бы отдавая ему право голоса. Михаил Иванович это почувствовал и подхватил.

– Я не специалист, но в любом случае поищите отпечатки пальцев и определитесь с причиной смерти. – Сыщик перевел взгляд на Бельцера. – Что у вас?

Психолог встал со скрипучего деревянного стула, устался на тело некогда красивой девочки и произнес:

– Преступник, скажу я вам, импульсивен, нетерпелив и социопатичен. А еще, судя по найденному цветку, любит

растения и ассоциирует себя или жертв с ними. Действует, думаю, наугад и спонтанно. Больше сказать не могу, надо портрет составлять. Да и сведений пока немного.

Все присутствовавшие в зале задумались. Эксперт отрицательно кивал головой, патологоанатом уперся руками на стол и направил взгляд на обрывок синей куртки, едва не оторвавшийся от убитой девочки.

– По родственникам что-то известно? – Спросил Крылов.

– Да, нашли заявление, датируемое еще двенадцатым марта. Мать, Елена Романова подавала заявление о пропаже дочери Анюты, 9 лет.

– Фотография есть?

– Да, забыл совсем. – Бельцер вынул из внутреннего кармана плотной кожаной куртки пожухший снимок маленькой девочки, стоящей на фоне большого фонтана с медвежонком. – Вот.

Крылов грубым и быстрым движением жилистой руки взял фотографию и сверил с ней лицо погибшей. Совпадение налицо.

– Видимо и с датой теперь определились. Александр...

– Германович.

– Александр Германович, со мной поедите, нам надо пообщаться с ней да на опознание привезти. Степан Викторович, вы с коллегой продолжайте работать над телом. Надо привести ее в надлежащее состояние, остальное будем решать, как проведем опознание.

– Хорошо. – Чуть ли не хором кивнули судмедэксперт и патологоанатом.

Солнечные лучи пробивались через единственное окно в просторном помещении и освещали ноги девочки, отчего ее желтоватая, сухая морщинистая кожа приобрела золотистый оттенок. Все присутствовавшие в комнате ощущали неприятный, усиливающийся запах разлагающегося тела. Работы теперь всем предстояло много, ведь помимо задачи максимально облегчить страдания матери ребенка, добавлялась цель поймать человека, совершающего такие зверские преступления.

Михаил Иванович Крылов поспешно вышел из комнаты и уверенным шагом направился вдоль темного коридора к выходу на улицу. Эхом его тяжелые шаги раздавались по всему зданию. Следом за капитаном потянулись и все остальные. Каждый шел с поникшим лицом и со своими переживаниями на душе. Объединяющей силой в настоящий момент служило для них желание покурить.

Погода стояла на редкость теплая для начала апреля. Снег после промозглой и длинной зимы наконец начал таять и каждый метр городского пространства покрылся непроходимыми лужами и грязевыми бассейнами. На обочинах лежали хмурые кучи, а вдоль неровных разбитых дорог бежали многочисленные ручейки черной водицы.

В лесу, где нашли тело убитой девочки, тоже постепенно сходил снег. С каждым новым часом обнажалось все больше

травы, расцветали первые растения и цветы. Поистине редкий ясный и абсолютно солнечный день для такого хмурого и сырого провинциального города, как Петрозаводск.

Крылов, еще не успевший сменить обувь, старательно обходил лужи в поисках места, где можно покурить. В голове он прикинул, что сначала надо заехать в номер гостиницы, где он остановился. Нужно переобуться. Но больше всего на свете ему хотелось ощутить дым сигареты в своих легких, впустить привычный дурман в свою душу и уж точно не думать о каком-то там преступлении и маньяке.

Боже, сколько здесь грязи и мрака? Насколько чист, свеж и грязен воздух одновременно. Сыщик ощутил себя в машине времени, перенесшей его на десятилетие назад всего за какие-то четыре часа поездки. Здесь до сих пор пользовались телефонами-автоматами, ездили на потрепанных «пятерках» и одевались в давно ушедшие в века «косухи». Крылову не было никакого дела до стиля жизни здешних людей и их мировоззрения. Но как привыкнуть к тому, что за пределами Петербурга кончается всякая цивилизация и начинается темное, печальное безвременье? Еще неизвестно, как быстро доберутся до сюда все прелести современного мира.

– Эх, и сколько ж еще таких по России городов? – Спросил себя едва слышимо Михаил.

Мужчина достал пачку, вытащил оттуда мятую сигарету и вставил в рот, полный желтых полусгнивших зубов. Спичка зажглась едва заметным оранжевым светом. Следовательно

зачарованно остановил свой взгляд на нем. Огонек теплился на кусочке древесины и постепенно приближался к твердым, стертым от суровых лет жизни пальцам. Еще немного, казалось, и он обожжет их. Спичка бесславно догорела, почти дойдя до кожи. В этот момент сзади послышались шаги..

Перепрыгивая и перескакивая к внушительному следователю средних лет приближался Бельцер. Психолог мог похвастаться большей подвижностью по сравнению с коллегой, несмотря на десятилетнюю разницу в возрасте. Справедливости ради он и смотрелся соответствующе. Вместо представительного скучного пальто и сигареты во рту Бельцер предпочитал теплую черную кожаную куртку и кепку, какую он как-то увидел по телевизору у Лужкова. Помятые изношенные туфли сыщика контрастировали с желанием черноглазого психолога носить начисто вычищенные женой зимние сапоги. При отдалении они вполне смахивали на те же туфли, только в утепленном варианте.

Александр Германович встал рядом с петербургским гостем и завязал разговор:

– Отдохните, я сам съезжу к этой женщине. По вам видно, вы сильно устали.

Крылов промолчал, едва заметно покачал головой и зажег-таки со второй попытки сигарету. Бельцер почесал левое ухо и продолжил:

– Интересно, почему к нам послали именно вас, можете это как-то объяснить?

– Не могу. Может не будете мне проводить сейчас сеанс психотерапии? – Иронично ответил Крылов.

– Не буду, потому что не до конца вас изучил. Сколько вам лет?

Крылов явно не привык, когда у него спрашивают подобное. Он медленно повернул голову к мужчине, поднял ее и демонстративно выпустил дым вверх. Сыщик лишь на пару-тройку сантиметров возвышался над психологом. Преимущества в росте у него не было.

– Сорок четыре с утра было. Но боюсь, кризис среднего возраста ко мне еще не подобрался.

Оба усмехнулись. Александр Германович потупил голову и повторил ритуал с ухом. Как опытный психолог, он не мог не понимать, что собеседник больше сосредоточен на собственных помыслах и желаниях, нежели на решении главного вопроса – поимки преступника.

Какой-то внутренний голос подсказывал чутью Александра Германовича, что приехавший к ним следователь – идеальный для изучения сплав гордости, уверенности и профессионального высокомерия. Именно такие люди и вызывали у него наибольший интерес.

– Давайте с вами попозже устроим небольшое чаепитие, я вам расскажу, как вы сможете здесь обустроиться, хорошо?

– Поглядим, я здесь все равно ненадолго. – Вновь устало улыбнулся капитан.

Со спины послышался крик. Их куда-то звали. Бельцер

с Крыловым обернулись и увидели Сержанта вдали. Глебов бежал к ним, стуча берцами по лужам и пачкая свою форму, а за ним перекаtywаясь ехал служебный УАЗик.

– Что стряслось? – С любопытством спросил психолог.

Сержант подбежал к ним и с одышкой в голосе сказал:

– Телефоны включите, вам из дежурки обоим звонили.

Товарищ капитан, там еще одно похищение. Причем с убийством.

Крылов выбросил сигарету и резким движением оттянул пальто. Лицо его приобрело багровые гневные оттенки. Бельцер же с ужасом посмотрел на сержанта. Никто не заметил момента, когда обстановка накалилась. Никто не заметил секунды, когда разговоры о характерах и следствиях превратились в действие. В действие сесть в машину и стремглав броситься к месту, в котором неизвестный совершил еще одно дерзкое преступление.

«Здорово и вечно»

Мигалки будоражили промозглый городской воздух. Мимо двух милицейских автомобилей проплывали старинные советские здания из кирпича и бетона, посеревшие от времени. По залитыми лужами улицам мчались с превышением скорости два УАЗика. В первом ехали Бельцер, Крылов, и Степан Викторович, судмедэксперт. За рулем находился сержант Глебов. Следом за ними во второй машине ехали еще трое сотрудников милиции с автоматами наготове.

Напряжение нарастало, Крылов с Бельцером то и дело ловили себя на мысли, что они близки к разгадке практически у самого ее начала. Такое нередко происходило с каждым из них, когда преступник, каким бы сложным не было его преступление, выявлялся сразу и почти без сложностей.

Лавируя по полупустым улицам машины нарушали размеренную тишину и темп старинного города. Прохожие то и дело окидывали взглядом суетливо мчащихся куда-то милиционеров. Кто-то даже плевался в их сторону, особенно молодежь в спортивной одежде и дети, ведомые уставшими матерями из школ и детских садов. Городская пустошь вела милицейские машины в небольшую панельную пятиэтажную «хрущовку», стоявшую на самом краю города вблизи промышленных кварталов. Прибывшие на место преступления представители власти с важным видом выскочили из ма-

шин и бегом ворвались в один из подъездов на первый этаж.

Глебов подбежал первый. Он держал автомат наготове и искрометным взглядом пронзал полое дерево. Затем сержант поднес к одной из дверей этажа кулак и трижды постучал в нее. Обшитая дубленой замасленной кожей деревянная дверь не отвечала взаимностью. Сержант прислонился ухом к ней и сморщил лицо в попытке услышать хоть какое-то движение по ту сторону.

– Глебов, не томи, что слышно? – Спросил нетерпеливо Бельцер.

– Стоны какие-то, на плачь похоже. Видимо там сейчас явно не до нас.

Крылов достал из внутреннего кармана запачканного пальто помятую сигарету и раскурив ее, облокотился на перила и с важным видом спросил:

– Кто сообщил?

– Женщина какая-то. Сказала, что у нее ребенка похитили. Наверное наш клиент.

– А грохнули там кого?

– Да непонятно было, просто сообщила, что ребенка похитили и все. Ну и адрес назвала.

Следователь, откашливаясь, вытащил сигарету обратно и хрипло прикрикнул:

– Ломай!

Глебов нерешительно посмотрел на дверь, проверил стуком ноги ее на прочность, отошел и размашистым ударом

приложился по центру конструкции. С первого удара сломать не получилось, тогда молодой человек разогнался и еще сильнее ударил мощной правой ногой. На этот раз вышло лучше и дверь, почти сорвавшись с петель, распахнулась.

Полицейские спешно вошли в квартиру, осмотрелись, проверили прихожую и туалет на предмет угроз и собирались двигаться дальше. Их остановили женские крики. По квартире доносился громкий плач. Крылов подался вперед и жестом приказал всем опустить оружие.

В зале на кушетке лежала женщина средних лет в темно-синем халате, покрытом многолетним жиром. Рядом с ней на диване находились куртка с кофтой. В руках она сдавливала небольшого коричневого медвежонка. Женщина, казалось, совершенно не замечала семерых мужчин, ворвавшихся к ней в дом. Она все время сжималась в бессильной попытке выдавить из себя слезы.

Крылов сжал губы и опустил глаза. Он явно не знал, как вести себя в подобной ситуации. Опытный следователь, он не один раз сталкивался с людьми, которые в силу разных трагических обстоятельств не могли сдержать свои эмоции. Правда, последний такой случай произошел больше пяти лет назад и Крылов забыл, каково это – держать себя в руках.

Семеро сильных, готовых к любым вызовам мужчин столкнулись с беззащитной плачущей женщиной. Они видели мать, которая потеряла своего ребенка. Это особый случай, требующий аккуратного, тонкого подхода.

– Александр Германович, ваш выход. – Смиренно сказал Крылов. – Глебов, бери одного и прочешите кухню.

Бельцер медленными шагами подошел к кушетке и сел рядом с женщиной. Его глаза смотрели прямо в красное от слез лицо, ярко выражавшего боль. Опытный психолог считал логичным сохранять молчание, так как не знал, в каком именно состоянии находится женщина. Мать, возможно потерявшая ребенка навсегда. Самое верное – не мешать.

– В детской... Комнате. – Неожиданно выдавила из себя женщина.

Михаил Иванович окинул ее взглядом, который вполне мог с виду походить на сочувствующий. Он достал из-за пояса пистолет и кивком приказал остальным идти за собой.

Четверо человек преодолели небольшой коридорчик и подошли к хрупкой фанерной двери. На стеклянном окошке с внутренней стороны красноватым отпечатком блестел сгусток крови. Также небольшие пугающие следы запеклись на полу возле входа в детскую комнату. Крылов поднял пистолет на уровне плеч и приказал остальным быть наготове. Тихим и терпеливым движением твердой руки он потихоньку толкнул дверь, та с небольшим скрипом отворилась и открыла свои страшные тайны.

Зрелище, которое увидели оперативники, заставило их раскрыть рты и застыть в оцепенении. От леденящего ужаса мышцы подрагивали, а глаза застыли на одной точке. На противоположной от входа в комнату стене висел приби-

тый гвоздями к стене тучный мальчик. По его ногам и рукам стекали ручейки крови. На обнаженном теле остались десятки порезов разной глубины и ширины. Левый сосок отрезали и выбросили здесь же. Полноватые щеки и живот убийца пометил рисунком цветка. Они проводились толстым и острым ножом, судя по всему, уже на трупе. Со вздувшейся головы свисал клочок седых волос. Руки мальчика изобиловали более мелкими порезами, а ладони гвоздями прибивались к стене.

Среди всех порезов наиболее сильно выделялся один на животе. Даже по беглому взгляду становилось понятно, что такая рана и оказалась смертельной для мальчика. Настолько глубокой и несовместимой с жизнью выглядел разрез глубиной примерно в десять сантиметров.

Милиционеры еще порядка минуты безмолвно смотрели на эту картину, жестокость и сюрреализм которой не поддавалась их пониманию. Четверо взрослых и сильных мужчин мигом капитулировали при виде распятого мальчика. Одного даже едва не вырвало.

На кровати под ногами убитого мальчика покоились девичьи игрушки. Десятки всевозможных кукол и элементов конструктора, а также куча расчесок, игрушечной посуды и ведерок лежали на расправленной детской постели. Почти на всех из них оставался еще не запекшийся кровавый след. Жирными отметинами в виде капель и брызг багровая жидкость разлилась по всей комнате, покрыв собой стол, заправленную шторку и почти все четыре стены со шкафами и бе-

лыми стенами.

Рядом с кроватью на тумбочке лежали два листа формата А4 и два карандаша, белого и светло-зеленого цвета. На второй тумбочке рисунок черной машины, очевидно сделанный мальчиком.

Первым в себя после шока пришел Степан Викторович. Он приблизился к детской кровати, подробно осматривая место преступления и стараясь привести себя в норму.

– Такого я конечно давно не видел, но если говорить о случившемся, то очевидно, что преступник побывал здесь около часа назад. Черт...

Степан Викторович едва не упал, когда спиной попятился к одной из боковых стен. Причиной тому стало еще одно мертвое тело. Тело собаки.

– Боже мой, а собаку-то за что?!

Ермилов, по-видимому, был шокирован не меньше остальных, хоть и сохранял относительную трезвость ума и спокойствие. Его седые волосы казались еще белее, а небольшие глаза наливались желтизной и влагой.

Причиной еще одного шока стал лежащий на дощатом полу в метре от кровати труп пса. В боку у него красовалась обширная дыра, по-видимому тоже оставленная ножом. Несколько выбитых зубов хаотично лежали по всей комнате и рядом с трупом. От собаки тянулось большое кровавое пятно к кровати. Степан Викторович обомлел, но все же сумел сохранить трезвость ума.

– Это «Дог», насколько я знаю, большой и сильный пес. Видимо этот урод очень силен, раз сумел одолеть такую большую собаку.

Постепенно выходил из под шока и капитан. Взгляд, мертво прикованный к мальчику, наконец стал разглядывать всю комнату. Михаил Иванович бегло осмотрел все стены и мебель. Его взор также упал и на собаку. У себя в голове он сделал первые предварительные выводы.

– Так, все приходим в себя. Преступник был здесь недавно, осмотрите всю квартиру, может он оставил следы или отпечатки пальцев. Кровь берите на пробу. Все ясно?

Сыщик посмотрел на шокированных оперативников и для пущей убедительности сделал несколько шагов по комнате. Сотрудники, видимо не совсем понимающие суть приказа, разбрелись по квартире кто куда. В комнату вошел и Глебов. Он попятился назад от увиденного и едва не ударился головой об стену. На лице застыла маска изумления и страха.

– Как он сюда попал, вот это интересно, дверь же цела? – Степан Викторович вместе с Крыловым продолжал усиленно осматривать комнату, пытаясь найти хоть что-нибудь полезное, помимо многочисленных следов крови и разбросанного в воздухе ужаса смерти.

Легкое дуновение ветра коснулось лица сыщика. Он крутил головой в разные стороны, но из-за темноты в комнате все никак не мог понять, откуда дует. Михаил Иванович по-

шарил по стене рядом с дверью рукой и нашел выключатель. Через несколько мгновений комнату залило светом висящей на потолке лампы.

Крылов подошел к огромной бордовой шторке и отодвинул ее в сторону. В лицо резко задул ветер, а в глаза ударил солнечный свет такой силы, что следователю пришлось закрыть лицо ладонью. Его взгляд упал на широкий белый подоконник. На гладкой пластиковой поверхности красовалась отметина от крупного сапога. Грязь еще не успела толком засохнуть, намекая на то, что в квартиру проникали совсем недавно. Крылову хватило этого веского следа, чтобы все понять.

– Через окно... Он попал сюда через окно.

Степан Викторович подошел к Крылову, закрыл от солнца глаза и кое-как осмотрел подоконник.

– Погляди, стекло целое. Девочка сама ему дверцу открыла. Капитан высунулся из окна и посмотрел вниз. Там красовался почерневший снег вперемешку с мусором и грязью, а чуть поодаль белыми отметинами на снегу виднелись следы от обуви.

– Позови Глебова или еще кого-нибудь, сфотографируйте здесь все.

Михаил Иванович немного воспрял духом. Он всмотрелся вдаль и заметил, что следы от ботинок идут в обе стороны и обрываются в тридцати метров от дома у автомобильной дороги. Преступник приехал сюда на машине.

– Сфотографируйте мальчика, след на подоконнике, игрушки и мертвую собаку. Также сделайте фото всех мест, на которых есть повреждения или на которых осталось много крови.

Глебов достал фотоаппарат и запечатлел все места, какие просил следователь. С каждой фотографией выявлялись все новые и новые обстоятельства. Так, под кровать натекла большая лужа крови, а на внутренней части двери нашли большую и глубокую трещину. Каждая новая деталь происходящего все больше и больше запутывала оперативников. Вопросов становилось очень много.

Крылов властно распорядился ситуацией, однако впереди ему предстояла невероятно тяжелая работа. Желание как следует напиться и следом за этим отоспаться увеличивалось с каждой минутой, а вместе с ними росла тупая ненависть и безразличие к происходящему. Ему жизненно требовался отдых.

Когда капитан вошел в зал, Бельцер сумел привести женщину в чувства. Она перестала плакать, но причиной тому стала скорее опустошенность, нежели смирение с ситуацией и успокоение. Александр Германович расхаживал рядом с ней и следил за тем, чтобы женщина снова не впала в истерику.

– Скажите пожалуйста, как вас зовут?

Бельцер заискивающим голосом обратился к женщине, вновь присев рядом с ней на диван. Но она не обращала

на него внимание, продолжая пить что-то крепкое из небольшой фляги и морщить лицо. От нее уже изрядно пахло алкоголем.

– Прекращайте пить, у вас дочь украли и мы хотим ее найти. – Весьма циничным тоном обратился к матери девочки сыщик, однако хмурый взгляд Бельцера смягчил его тон. – Так вы скорее поможете нам и своей дочери и сможете вернуться к нормальной жизни, прошу вас.

– А что толку-то, а? – Спокойным, но дрожащим голосом ответила она. – Я все равно не могу не пить. У вас-то наверно и детей нет, раз так со мной разговариваете.

Михаил Иванович смиренно опустил голову. Детей у него и вправду не было, как и жены. Точные, но едкие слова женщины очень точно легли на его жизнь, в которой он шел от точки «А» до точки «Б», так и не обзаведясь хоть кем-нибудь, кто бы мог стать ему по-настоящему родным.

– Скажите хоть, как зовут вас и вашу дочь?

– Меня зовут... Погодина Светлана Юрьевна, 1962 года рождения. Дочь моя, Зиночка Карловна, летом 1995-го родилась.

– В какой она класс пошла? – Спросил Александр Германович и как бы случайно прикрыл рукой левое ухо.

– Во второй Зиночка осенью перешла.

– Позвольте нам взять ее фотографию. В розыск надо объявить вашу девочку. Так хоть есть шанс. Развесим везде, сами будем искать. – Психолог заискивающе посмотрел вверх

на капитана. – Все с ней хорошо будет, не сомневайтесь.

Бельцер перевел голову в ее сторону, положил на ее руку свою ладонь и окинул теплым, согревающим взглядом. Светлана Юрьевна медленно поднялась с безжизненного дивана и болезненным шагом подошла к большому деревянному шкафу у ближайшей стены. Рядом с ним на стене криво висел огромный выцветший календарь с почерневшими цифрами «1999». Женщина как бы невзначай выправила календарь, открыла дверцу и потянула руку внутрь. Затем медленно, будто любуясь своей находкой, отдала Бельцеру цветной кусочек бумаги и закрыла за собой шкаф.

– Она у меня хорошенькая, маленькая совсем. – Мать старалась удержать новую порцию слез, но они потихоньку скатывались с ее щек. – Подарок божий, отца-то у нас нет. Помер.

– А как звали того мальчика, который... – Крылов несколько замешкался, пытаясь подобрать нужные слова. – Которого убили?

Женщина громко всхлипнула и не удержалась, ее покрасневшее от слез лицо не выражало ничего, кроме адской душевной боли. Даже Михаил Иванович, до сего момента недвижимый и уверенный, проникся к женщине и ее горю. Его голос стал более заботливым и мягким.

– Леша Герасимов, из параллельного класса, он к ней часто приходил, игрались они там. То в дочери-матери, то в казак-разбойников. Смотрела на них и радовалась, пока се-

годня на с утренней смены не пришла.

Мужчина опустил голову, у него задрожали руки. Опытному психологу с 25-летним стажем работы тоже оказалось не под силу остаться бесстрастным.

– Скажите, а вы кем работаете и во сколько домой возвращаетесь? – Спросил он.

– Я бухгалтер в компании «Петрокачество». А смена у меня... как и у всех, до 18 часов. Просто отпустили на час... пораньше, плохо мне стало там, тошнило... Впрочем, сейчас это не имеет значения. – Женщина не могла перестать плакать, каждое слово ей давалось с трудом, но она продолжала. – Пришла. Как помню. В половину шестого и увидела в комнате... Я просто не знаю. Простите.

Светлана Юрьевна наклонила тело вниз и, не в силах держаться, упала на диван и разрыдалась с новой силой. Женщина не выдержала давления обстоятельств, воли судьбы. Она не хотела больше отвечать на вопросы этих людей в погонах. Они все равно ничем ей помочь не могут. Ноги Светланы Юрьевны поджались, спина затряслась. Женщина полностью ушла в свое горе. Ее нет в этом лживом и жестоком мире.

Михаил, все время беседы старавшийся держаться уверенно, присел на стул и опустил голову, взявшись за нее обеими руками. Он ощущал сильную сонливость и вполне мог отключиться. Но из полубытья в чувство его привел голос сержанта Глебова.

– Товарищ капитан, что дальше делать?

Глебов стоял в зале с фотоаппаратом. А сзади него в проеме детской комнаты беззаботно доставал сигарету Степан Викторович.

– Не кури там. На улицу выйдете. – Крылов усталым голосом обратился к Глебову. – Прибери тут все, и еще, у вас тут есть хоть какой-то криминалистический отдел?

– Только я. – Ответил из глубины квартиры Степан Викторович. – Именно поэтому всем дерьмом приходится заниматься именно мне. Например вскрытиями и выносом трупов.

Капитан через силу привстал и хмуро произнес:

– Как покурите, прибери тут все.

Михаил поднялся и медленно потащил свое полноватое тело к выходу. Руки он положил в пальто и стал копошиться в карманах по своей давней привычке. Все случившееся с ним за день казалось ему какой-то странной жестокой игрой, из которой он все никак не может выбраться или победить. Сейчас хочется только отдохнуть и выпить. А милее небольшой сигаретки во рту ничего на этой планете не существует.

– Саня. – Обратился он на «ты» к Бельцеру. – Пойдем со мной, тут еще есть кое-что.

Александр Германович удивленно посмотрел в коридор и посмотрел на немного шатающегося гостя из Питера. Неужели следователь за несколько часов настолько освоил-

ся, что уже решил называть его на «ты»? Впрочем, вопрос для Бельцера все же сейчас не самым важным.

Многоопытный психолог скрипя ногами поднялся с дивана и вышел в подъезд, где его уже ждал сыщик, покуривая очередную сигарету. Едкий дым «Парламента» покрывал весь подъезд, заставляя людей в квартирах чувствовать, как за их дверьми стоит самый настоящий нуарный детектив.

Крылов подошел к соседней двери и размашисто постучал в нее. Звуки глухих ударов отбивались от металлической поверхности очень громко. Казалось, будто господин с длинным подбородком собирается оповестить о своем присутствии весь дом.

– Кто там? – послышался режущий ухо голос по ту сторону двери.

– Капитан Крылов, милиция. Открывайте.

Дверь с щелчком отперлась. На пороге в серо-грязной тельняшке и спортивных штанах с тремя полосками по бокам стоял дед лет семидесяти. Бельцер заметил, с каким невероятным трудом владелец квартиры сумел открыть входную дверь. В правой руке усатый старик держал кастет, что даже выглядело комично, учитывая неуклюжесть его движений и очевидную слабость тела. Он открыл рот, показывая гнилые желтые зубы и с брызгами потребовал:

– Ксиву показывай!

Капитан не спеша достал из внутреннего кармана пальто удостоверение, открыл его, издевательски подтянул к жел-

тым глазам старика, дал прочесть и убрал обратно

– Как вас зовут? – Буднично спросил следователь.

– Николай Николаевич Бунин. Ну, что надо? – Прищури-
ваясь спросил твердо старик.

Крылов бесцеремонно вошел за порог квартиры и осмотрел прихожую, Бельцер же остался в подъезде.

– У вас окна куда выходят, на какую сторону улицы?

– Да вот на дорогу, к фасаду.

Старик возмущенно осматривал следователя. Средний рост, деловой, но неаккуратный и даже грязный внешний вид. Такой уж точно походит на мента. Только лишь наличие удостоверения удерживало пожилого мужчину от того, чтобы достать ружье и пристрелить наглеца. Александр Германович увидел действие эксперимента доктора Милгрэма во всей красе. Оно отразилось на пожилой подчиняющейся фигуре. Если показывают удостоверение, значит человек действительно влиятельный.

– Николай Николаевич, вы в курсе, что случилось у вашей соседки, у Погодиной Светланы Юрьевны?

Дед отрицательно повел головой.

– Хорошо, а вы что-нибудь слышали или видели странное за последние 2 часа?

– Да нет, сплю я в это время.

– А машины вон по той дороге часто ездят? – Крылов показал на небольшой отрезок грунтовой дороги, выползавший из дальнего окна.

Дед почесал голову и посмотрел на часы. Время показывало 18:40. И только после того, как пожилой человек удостоверился в правдивости времени, он смог ответить:

– Нечасто, почти даже не ездят. Может одна или две в час.

Сыщик сделал еще шаг вперед и почесал свой острый подбородок. Дед скрестил руки.

– Ну а в окна не выглядывали в 17:00 примерно?

– Нет, иди уже, ничего я не знаю. И вообще, окна у меня занавешены.

Крылов понял, что теряет понапрасну время и в спешке вышел за порог и даже хлопнул входной дверью. Со стариком необходимости общаться он не нашел. Пока первые следственные действия результатов не дают.

– Так, а что у нас там?

Михаил Иванович подошел к двери, противоположной квартире Погодиной. Прикрепленная суперклеем бумажка гласила, что квартира продается. После десятка безуспешных попыток достучаться до соседей, которые видимо там и вовсе не жили, до мужчины наконец дошло, что квартира пуста.

– Посылай сюда завтра людей, пусть спрашивают, что да как. – Порекомендовал Бельцер, сам не заметив, как тоже перешел на «ты».

Следователь, несколько раздосадованный подобным поворотом, вспомнил еще кое-что.

– Знаешь, я давно не включал мозг, но сейчас он мне го-

ворит, что нужно искать на улице.

Михаил Иванович буквально полетел вниз по лестнице к выходу. На одной из ступенек он даже чуть не споткнулся, но сумел удержать равновесие. Бельцер совершенно не понимал, что собирается сделать его коллега. Но на интуитивном уровне полагал, что их ждет хорошая находка.

К подъезду подъехала серо-синяя «Буханка». Труповозка, которая еще сегодня утром увозила в морг тело убитой в лесу Анюты Романовой. Оттуда вышел усатый мужичок, помощник патологоанатома и весело запевая «Мою оборону» обратился к Крылову.

– Здравия желаю, товарищ капитан. Не думал, что встретите.

– Там в третьей квартире на первом этаже два трупа, один полноватый мальчик 8—9 лет, и второй труп собаки породы «дог». Собаку заберешь?

Мужичок поморщил лицом и скрестил руки:

– А собаку-то за что? Водятся же всякие козлы. – Усатый дважды сплюнул. – Конечно заберу, что вы. Похороню хоть по-человечески.

– Отлично, там Глебов с Ермиловым вам помогут, удачи.

– Ну спасибо, услужили.

Мужичок сплюнул на землю, взял с помощником носилки и потащил их подъезд. Крылов же обошел вместе с Бельцером дом с торца и вышел на грунтовую, всю залитую водой и черным снегом дорогу. Следователь помнил, в каком

именно месте увидел следы. Между двумя березами виднелся небольшой проход и обширные следы от сапог, ведущих к окну квартиры Погодиной. Мужчина осмотрел следы и прикинул, куда они ведут.

– Ты хочешь сказать, что он здесь остановился? – Спросил недоуменно Бельцер.

– Да, только вот я полный идиот.

– Почему?

– Потому что снег за полтора часа растаял, а солнце уже клонится к закату, в это время воздух лучше всего разогрет. Еще полтора часа назад здесь был плотный снег, а сейчас лужи и грязь.

Сыщик в бессилии пнул небольшую кучку снега на обочине. Его злость и усталость нарастала. В сжатых кулаках сосредоточился весь гнев, который накопился за день. Психолог внимательно наблюдал за ним, подмечал, фиксировал в голове черты поведения. Он не мог не заметить импульсивности, раздражительности и общей нестабильности следователя. Круги под глазами выдавали хроническую усталость и плохой сон, а трясущиеся периодически руки ярче любых слов говорили об алкогольной зависимости.

Но Бельцер увидел в нем и еще что-то. Проблеск все еще ясного и острого ума, который в данный момент находился в анабиозе и осторожно просыпался. Потрясающие физические и физиологические данные, подвижность, говорящая о высокой активности нервной системы. Но опытный психо-

лог понимал, что для более подробного разбора одного дня знакомства мало. А впереди их ждет еще много интересного.

Михаил не впал в проstration или смятение, он принялся вымерять тяжелые шаги вдоль дороги, искал теневые участки, на которых снег еще мог хранить отпечатки машин. Опытный следователь внимательно присмотрелся и заметил, что за последние несколько часов по дороге ездили только дважды. И оба раза следы от протектора были одними и теми же. Михаил Иванович довольно долго изучал саму дорогу, куда она ведет и кто по ней вообще может кататься. Он постоянно щелкал пальцем, поправлял и снимал пальто в попытках охладить себя. Переводил наручные часы.

На другой стороне дороге длинный забор ведет куда-то вдаль. В полукилометре отсюда сливались с оранжевым небом трубы и чернел дым. Разбитая, убогая дорога граничила с небольшой промзоной на самом краю города. Здесь, должно быть, редко ездят гражданские.

Александр Германович также увидел любопытную картину. Одна и та же машина проезжала здесь дважды в одном и том же направлении, не возвращаясь по этой же дороге назад. Почему?

– Почему?

– Что такое? – Спросил у него следователь.

– Ты же видишь, только одна машина ездил сегодня по этой дороге, причем дважды.

– Думается мне, это «Волга». Без сомнений.

Сыщик возвышался над следами протекторов. Желтые зубы светились на солнце и довольно потрескивали. Он явно не сомневался в своих талантах и умениях.

– Ты уверен? В конце концов это мог быть и не маньяк, да и следы уже все просто растаяли.

– Да, уверен. Позвони сейчас сержанту, если они уже уехали и опергруппе, пусть сегодня займутся пробитием всех владельцев «Волг».

– Хорошо, машина не самая часто встречаемая на дорогах, думаю быстро вычислим.

Бельцер нашел в служебном телефонном списке нужный номер и набрал его, затем передал распоряжения от сыщика и сбросил звонок.

– Дилемма в том, что всех проверять придется, а времени у нас с гулькин нос.

– Проверим, ничего страшного. Пока что это единственное, что у нас есть. Это нужно использовать.

Александра Германовича немного трясло. Старееющее тело улавливало резко охлаждающийся воздух, особенно после захода солнца за горизонт. Вдобавок мужчина волновался. Они сумели очень быстро найти след и даже вычислить марку машины. Оказывается, у питерского гостя все же есть нюх.

Следователь сел на ближайшую кучу снега. Он очень устал и хотел отдохнуть, а по возможности и выпить. Александр Германович тоже чувствовал себя опустошенным. Да

и работа их на сегодня по большому счету завершена.

– Позвони им еще раз, пускай заберут нас отсюда. – Понизив голос, произнес капитан. – Завтра продолжим.

Михаил Иванович понуро уставился на последние лучи уходящего солнца. На замену небесному светиле приходили красивые, витиеватые оранжевые облака с холодным ветром. По-видимому, через час-другой начнется ливень или снегопад. Дорога все также пустовала, ни одна машина так и не проскочила мимо них за все время, которое мужчины просидели на холодном снегу.

У Бельцера возникал немой вопрос: почему преступник приезжал дважды и не разу не возвращался этой же дорогой. Психолог ненароком подумал, что преступник проверял, приехала ли милиция. Думается, убийца получал удовольствие от лицезрения своих злодеяний. Однако дальше мысли идти не хотели, как бы Александр Германович не старался. Самое главное сейчас – отдохнуть и набраться сил на следующий рывок.

За ними приехал служебный УАЗик. Мужчины неспешно загрузились в него и в крайний на сегодня раз взглянули на открытое окно похищенной девочки. Пожалуй, уже не сегодня. Как только следователь сел на заднее сиденье автомобиля, его глаза автоматически закрылись и он вновь уснул. Состояние крайнего утомления и сильного стресса сделали свое дело. Даже неудобства дороги не могли как-то вывести Крылова из сна.

Бельцер достал из внутреннего кармана куртки бумажку, щелкнул ручкой и едва разборчиво написал несколько слов. Затем Александр Германович умиленно посмотрел на спящего коллегу и аккуратным движением руки положил написанное во внешний кармана пальто. Будить крепко спящего следователя он не стал.

Михаил еле-еле дошел до своего номера на четвертом этаже местной гостиницы. В полусознательном состоянии он взял ключ от своей каморки и пошел к лифту. Дальше он все помнил едва ли, его быстро усыпила темнота номера, начавшийся за окном дождь и мерные звуки часов. Наконец-то он погрузился в уют и спокойствие, пускай и ненадолго.

«Родственник»

Вентилятор уныло вертел металлическими лопастями на потолке и крутил воздух в комнате. Он, к сожалению, никак не спасал от невероятной духоты, в условиях которой пытался уснуть Михаил. Назойливое состояние полусна не желало покидать измотанного после бурного дня и вечера мужчину и лишь усиливалось от минуты к минуте. Наконец, от неспешного жара батарей, как казалось Крылову, не спасали даже открытые настежь окна, за которыми барабанил холодный апрельский дождь.

Прямо над головой следователя за стеной доносились прерывистые и громкие стоны, которые то усиливались, то утихали. Женский крик перемежался с мужскими вздохами и наоборот. Очевидно, что в соседнем номере посреди двух часов ночи занимались любовью двое молодых людей. На это тоже очень тяжело не обращать внимание, когда у тебя едва ли не вдребезги раскалывается голова от прошедшего дня и от выпитого алкоголя.

Крылова било и то, что он завидовал подобным парочкам. Они могли не заботиться об окружающих и делать все, на что найдет их безудержная фантазия. Под концертные ноты человеческих стонов Михаил завистливо теребил пальцы правой руки, то просыпаясь, то вновь засыпая в пьяном угаре. В глубине подсознания он подловил себя на мысли, что хо-

чет убить этих двоих.

Все странное смешение звуков и ощущений, которые слышал и испытывал Крылов, никак не давали ему ни проснуться, ни уснуть. Мокрый от пота, он скинул с себя одеяло и попытался дотянуться до пульта, чтобы усилить вращение проклятых лопастей вентилятора на потолке.

Не открывая глаз, пытался он достать и полупустую бутылку водки, стоявшую в соседстве с еще двумя выпитыми тарами на полу возле кровати. Вся комната переполнялась смрадным запахом перегара, из-за чего сторонний человек не смог бы пробыть здесь и десяти минут. Но мужчина, пьяный в усмерть, еще и пытался уснуть в таких условиях.

Иногда его старания венчались успехом, иногда нет. При втором состоянии ему казалось, словно он парит над землей, чувствует ее под собой, находится в странной спиртовой эйфории круговорота жизни. Весь головной бред никак не рассеивался, и даже не спешил.

Мужчина поднялся с кровати и, не открывая толком глаз, пошел в ванную комнату. Пол номера, усеянного тараканами и смуглым светом желтых едких ламп, закрипел под сухощавыми и бледными ногами мужчины. В чем мать родила, он вошел в уборную и включил свет. Небольшой белый прожектор в верхнем углу осветил ванную со стиральной машинкой и раковиной. Все в этой гостинице служило уже очень давно. Ко всему требовался ремонт и надлежащее техническое обслуживание, но в силу слабой окупаемости такой роскоши

гостиница позволить себе не могла.

Михаил Иванович проклял тот день, когда его отправили сюда расследовать это вязкое и гниющее дело. Более того, привыкший к питерскому комфорту собственной квартиры, за которую он вот-вот выплатил полностью всю ипотеку, Михаил Иванович недовольно посматривал в сторону местного начальства, даже не сумевшего обеспечить его временной служебной жилплощадью. Расходы по оплате номера в гостинице взяло на себя не самое богатое местное начальство. За одни лишь сутки пребывания здесь в голове у Михаила появился отвратный образ старого серого города, еще более неблагоприятного для в плане климата, чем Петербург. Вдобавок и дрянной номер в гостинице, и дрянной алкоголь, и даже люди, как думал Крылов, здесь тоже все сплошь дрянные.

Трещина шла по диагонали через все зеркало и искажало отражение лица. Бледная сухая кожа, гниющие желтые зубы, черные невымытые волосы. Неаккуратная щетина хаотично перерастала в бороду. Сыщик мельком взглянул на свое отражение и равнодушно посмотрел ему в глаза. Перед ним предстала болезненная тень его самого, угасающий человек среднего возраста. Больше половины жизни прожито, остается лишь бесславная старость и небольшая служебная пенсия лет через пять-семь.

Надо умыться.

Мужчина включил холодную, чуть мутноватую от плохой

фильтрации воду и пока ванна наполнялась, он пошел в основное помещение и остановился у открытого окна. Среди черного, морозящего мелким дождем неба, вдали образовывались огромные видимые клубы дыма. Какой-то завод неподалеку загрязнял и без того тяжелый пыльный воздух своими отходами. Будто наткнувшись на мысль об этом, Крылов кашлянул и потянулся за недопитой бутылкой водки.

Следователь еле переставлял уставшие за день ноги. Волочил он их к небольшому шкафчику на стене, где вместе с мелкими душевыми принадлежностями смиренно лежала аптечка.

Пока градусник выполнял свою работу, Крылов сидел на полу у ванны и ждал. Она скоро наполнится. Так прошли самые длинные две минуты в его жизни. За это время он успел обдумать и возможность суицида путем вскрытия вен, и планы на будущее, которые в любом случае и в любых пропорциях рисковали не сбыться. Успел он также вернуться в свое далекое советское детство, когда он, маленький, бегал за бумажными корабликами, нежно плывущими по течению сильной, но небольшой речки, образовавшейся после дождя и исчезнувшей, как только появилось солнце.

Воспоминания о детстве, далеком о наивном, единственная неприкосновенная в его жизни вещь. Его очень жадно преследовал образ солнечного летнего дня, когда он в последний раз видел маму. День, когда она улыбнулась ему, поцеловала в щеку и сказала, что любит больше жизни. Здесь,

сядя у почти заполнившейся ванны, он улыбался и отхлебывал от почти опустевшей бутылки. Ему тогда вот-вот исполнилось одиннадцать. Трава еще не покрылась чернотой, а небо не заполонили непроходимые тучи.

А дальше обрывистый туман. Память не оставила ему шансов, когда он попытался вспомнить, как же погибла мама, любимая мама. Он старался воспроизвести в голове затайливую сцену ее гибели. Он точно не помнил, какие последние слова так сильно врезались в память отца, но обошли стороной юного мальчика Мишу. Мальчик, все же, точно запомнил, что она погибла у них с папой на глазах, упав в четвертого этажа. Она еще двадцать минут находилась в сознании, папа Миши держал еще живую женщину за руку и плакал вместе с ней. А мальчик тогда стоял рядом и пребывал в тотальном состоянии шока, не в силах ни заплакать, ни даже пошевелиться.

Затем юность, студенчество. Возмужавший Миша не совсем любил людей вокруг. Да, у него до сих пор оставались контакты некоторых друзей с университета, но в целом будущий блюститель закона больше любил заниматься строительством воздушных замков. Мечты, фантазий.

О чем же мог он вообще думать? Девушки, тусовки, очереди за продуктами, «копейка». Нет, все не то. Он мечтал быть признанным. Тщеславие, гордость, самоутверждение в первую очередь за счет других. Это конечно прекрасно, но с возрастом Крылов отказался от своих юношеских задач

и идеалов. После небольшой тряски в середине восьмидесятых он наконец нашел себя в милиции. Да, это круто, расследовать запутанные дела и получать за это повышения и чины. Круто, если бы не разочарование, настигшее его уже после развала Союза.

Михаил каждый день наблюдал за своими коллегами. Они воровали, брали взятки с граждан новой страны, позволяли торговать всем чем попало на своей территории и совершали еще огромное количество всевозможных преступлений. Не будет же он всерьез их ловить, верно?

Воспоминания покрывали с головой, погружали в водоворот и гуцу далеких событий. Дальше думать не хотелось, мозг отказывался работать. Памятные события слились в один общий гул. Сквозь него ничего не слышно и не видно. Лучше просто полежать в уютном месте и не задавать себе вопросы.

Наконец холодная вода обтекла мужчину со всех сторон и он достал градусник. Сыщик не сумел разглядеть цифры на нем и неряшливо уронил в ванную. На его счастье старый ртутный градусник остался цел. Мужчина посмотрел на него и плюнул в воду. Мутный, отстраненный взгляд искал успокоение в забыты.

Хоть и пребывавший в алкогольном трипе, следователь позаботился о том, чтобы вода ни в коем случае не покрыла его с головой в случае, если он уснет. Мужчина залпом допил последнюю бутылку водки и даже на некоторое время при-

шел в себя от действия холодной воды. Однако алкогольная интоксикация сделала свое дело. Он вовсе не ощущал никакой воды, ни холодной, ни горячей. Только странный мрак мыслей преследовал его и тянулся шлейфом от далекого детства до текущих серых и безрадостных весенних дней.

Из комнаты за стеной надрывно трезвонил телефон. Михаил открыл глаза и отрезвевшими глазами посмотрел вокруг себя. Он лежал в теплой, согревшейся за ночь желтой воде. Тут и там плавали частички непереваренной пищи. Крылов сморщил лицо и поспешно вылез из ванны, дабы успеть добежать до телефона. Укутавшись полотенцем, Мужчина широкими, покачивающимися шагами подошел к тумбе и схватил аппарат. Он знал, кто ему звонит, даже не смотря на панель.

– Алло!

– Доброе утро, время так-то уже почти половина десятого и мы ждем тут тебя. Есть что рассказать.

Бодрый, уверенный голос Бельцера несколько удивил Крылова. Он даже не сразу его узнал, так как предполагал, что звонит начальник местного угрозыска Белов. Он в общем-то не сильно стремился выполнять свои прямые обязанности и даже не ездил на места совершенных преступлений, отдавая это на откуп непосредственно оперативникам.

Так или иначе, а пора бы уже проснуться и продолжить это дурацкое, но весьма важное дело.

– Что у вас стряслось? – Наконец спросил он сонным голосом.

– Есть первые результаты по автомобилям, также сейчас опрашивают остальных квартирантов по подъезду и один из них видел, как мимо дома дважды проезжала беленькая Волга. Номера правда не запомнил, но даже это очень большой прорыв!

Губы сыщика невольно улыбнулись, ему импонировал тот факт, что он еще не утратил той «чуйки», которая выводила его на опаснейших преступников своего времени еще десять лет назад.

– Еду, пусть начальник отдела пришлет за мной машину. Еще что-то есть?

На том конце трубки шипели небольшие помехи, однако стремительно трезвеющий ум следователя уловил нужные для него слова и интонации Александра Германовича.

– Да, есть... К нам тут некий мужчина пришел, лет 30. Представился дядей убитого мальчика. Я с ним уже поговорил, надо и тебе тоже.

– Что выяснил? – Надевая засохшие от грязи брюки, спросил Крылов.

– Да пока ничего, просто он тут про пацана что-то лепечет. Я пока его отпустил, тебя ждем.

– Понял тебя, еду. Через сколько машина будет?

– Сейчас погоди... – Бельцер ненадолго замолчал, вместо его мерного, но возбужденного голоса пришло прерывистое

шипение стационарного телефона. – Через 15 минут будь готов.

Сыщик повесил трубку и встряхнул головой. Его сильно морозило, так как из-за усиленной работы вентилятора и открытого настежь окна температура в комнате упала ниже стандартной. Может градусов пятнадцать, если не меньше. Ржавые батареи с утеплителем не спасали ситуацию.

Крылов прошарил весь номер в поисках своей серой вязаной кофты. Удалось ему найти ее на полу рядом с двумя литровыми бутылками водки. Опытный алкоголик, он точно знал, что мог выпить их в течении часа или даже быстрее. Третья бутылка валялась на полу рядом с ванной и также была опустошена. Мужчина спустил воду в ванной, среди мерзкой ядовито-желтой рвотной жижи плавал градусник, который он уронил, пока спал в ванной. Следовательно снова сморщился и достал его. Понятное дело, что ни о какой точности в измерениях речи идти уже не могло. Михаил Иванович вытер его и положил на стиральную машинку рядом с бритвой, которой не пользовался вот уже больше недели, хоть и таскал повсюду с собой.

На удивление самого капитана, он чувствовал себя относительно бодро, хотя и с оговорками в виде похмелья и боли в животе. Для того, чтобы день состоялся, ему обычно требовалось принять «антипохмелин» и какое-нибудь средство от головной боли, иногда к этому набору примешивались пятьдесят, а то и сто миллилитров коньяка или водки.

Но это только в тех случаях, когда грядущие события требовали от него необычайной ясности духа. Впрочем, сегодня как раз такой день.

Если хотя бы один из всех этих компонентов отсутствовал в системе, мужчина ощущал сильный дискомфорт и головную боль. Мир вокруг него терял хоть какие-то краски и становился монотонно серым и больным. Сам Крылов кроме постоянной тревоги и стресса больше ничего не ощущал и был просто не в состоянии работать дальше. Впору говорить, что за последние двенадцать лет своей жизни он привык почти каждый день пить и принимать большое количество всевозможных лекарств, которые уже даже не помогали ему, а скорее даже наоборот, вредили. Но без них мужчина не представлял себе нормальной жизни. И если тогда, двенадцать лет назад он начинал принимать ежедневно спирт и лекарство из-за больших физических и моральных нагрузок, то ныне продолжал уже по устоявшейся привычке. Он знал, что не может без этого и оттого еще сильнее пил и постепенно превращал себя в овоща.

Прежде чем надеть свое пальто, мужчина пошарил в чемодане и раскопал целый клондайк из всевозможных таблеток и баночек с чудотворными жидкостями. Сначала он принял будничную дозу алкагельцера. Затем обратился за помощью к двум таблеткам аспирина и еще к трем таблеткам ципралекса. После них Крылов дрожащими руками открыл баночку с этиловым спиртом, смешал ее содержимое в ста-

кане с водой и залпом выпил. Соотношение воды к спирту он сохранял примерно равное.

После всех процедур Михаил выкинул кончившуюся баночку спирта и достал еще одну. Она будет стоять на тумбе рядом с кроватью. Благо в привезенном с собой чемодане оставалось достаточно места для еще одиннадцати таких баночек, где каждая содержала по сто пятьдесят миллиграмм этанола. Остальное место в чемодане занимала кофта бело-серого оттенка, сменные брюки и обувь. Также на особые случаи Крылов надевал шляпу шоколадного цвета. Ее он любил больше всего, оттого и использовал только по самым исключительным и особым случаям.

Когда все процедуры завершились, а состояние бодрости несколько усилилось, следователь закрыл дверь номера, спустился вниз, оставил ключик у древней советской стойки регистрации, над которым размещалось огромное панно со сценкой сборки урожая, и вышел на улицу. Там его ждал морозящий дождь и множество машин с плотно укутанными серыми людьми внутри. Погода плавно переходила к крупному снегопаду и застилала город сказочной пеленою.

Перед взором следователя образовались каменные пятиэтажки и возник шум одной из главных улиц города. Октябрьский проспект выглядел свежее, чем весь остальной город и привлекал особое внимание добравшимся и до сюда капитализмом. Сотни объявлений, рекламных щитов, покраска на разбитом машинами асфальте. Зовущая вы-

пить вас горячий утренний кофе блеклая реклама в самых необычных местах. Наиболее всего резало глаза наличие объявлений на проезжающих мимо автобусах. Каждый такой рисунок, катающийся по городу, был заляпан грязью и терял свою привлекательность для потенциальных покупателей. Еще бы, автобусы курсировали по дорогам, сплошь загубленными плохим хозяйствованием и исконно русским пофигизмом, вылезавшим из всех щелей.

Ямы с грязью и талым снегом, пар от котлованов с трубами и с людьми нерусской речи. Каждую минуту Крылов ощущал себя будто дома. Ведь в Петербурге, несмотря на более модернизированный фасад, сохранялась та же пасмурная суть русского города. Все время обычный пьющий следователь средних лет находил себя в удивительном равнодушии людей друг к другу и к своему же окружению. Сотни людей шли по проспекту. Каждый из них выглядел уныло, они сливались с мрачным пейзажем улиц и домов. Никто не улыбался, все как заведенные шли на работу. Роботы на работе. Нет здесь места позитиву. Еще бы, ведь Михаил живет в стране победившего пофигизма.

Служебная семерка с синими, но едва видимыми от грязи буквами «ДПС» уже стояла у дверей гостиницы. Само здание было оформлено в сталинском имперском неоклассическом стиле. Продукт отечественного автопрома одновременно очень хорошо вписывался в фон большого 12-этажного строения. И при этом бесстыдно смотрелся отчужденной

мелкой рыбкой, безропотной пешкой в большой игре между великим и колхозным. Большое угнетает малое. К слову об архитектуре.

Мужчина сел на заднее сиденье и водитель, младший лейтенант по званию, повез его в отдел. Михаил все время думал о том, что тридцатилетний мужчина впереди вот-вот заговорит с ним, но этого не случилось. Лейтенант впереди постоянно пытался приоткрыть окошко и регулярно открывал рот в попытке вдохнуть им побольше воздуха. На счастье Крылова, ему дали еще несколько спокойных минут для того, чтобы настроиться на работу по дороге в отдел.

Следователю снова все больше становилось не по себе. Таблетки ожидаемо не помогали, хоть и были частью повседневного ритуала. А спирт, смешанный с водой, ударял в голову отбойным молотком, ныли виски. Капитана снова начало морозить, а кожа на его лице еще сильнее побледнела. Впрочем, мужчина совершенно не запаривался на данный счет. Главное, чтобы работа, выполняемая им, была продуктивной и не вызывала подозрений в постепенно нарастающем непрофессионализме.

– Выходи быстрее. – Открывая дверцу машины, пролепетал Бельцер. – Очень много что нарыли.

Сыщик промолчал, он с трудом волочился по ступенькам вверх. Они вели в отдел, небольшой и разваленный. Мужчину раздражали необычно крупные снежинки ни с того ни с сего разогнавшегося снегопада. Михаил старался не отста-

вать от коллеги и через силу шел за ним.

Темные коридоры с кучей стальных зарешеченных дверей и миром окурков грубо встречали далекого гостя. Удивляло, что за пределами дежурной части практически не было людей. Почти все коридоры пустовали. Никакой шум не перебывал мрачную зыбь одиноких помещений.

Двое мужчин поднялись на второй этаж, повернули влево и остановились у первого же кабинета возле лестницы.

– Ну вот и мой шалаш. – С небольшой гордостью в голосе сказал Александр Германович.

Он сегодня надел красную, выделяющуюся на фоне всего пейзажа кофту с оленями. Крылов присмотрелся к ней только сейчас, так как из-за плохого состояния здоровья с трудом мог трезво воспринимать действительность.

– Дочь подарила? – Спросил Михаил.

– Да, она. На...

– Новый год. – Закончил за него Крылов и широко улыбнулся.

Бельцер ответил ему взаимностью, повернул ключик в скважине и отворил тяжелую железную дверь своего кабинета.

Внутренняя обстановка, в отличие от всего остального окружения, выглядела насыщенной и живой. На рабочем столе стоял аквариум, правда пустой, но все же с какими-то водорослями. По правую руку от уютного кожаного кресла на стене висели две больших книжных полки, сплошь заби-

тые кладезем человеческих знаний, в основном конечно же, по профессиональной специализации хозяина кабинета.

Позади немного скрипящего компьютерного кресла на столе лежал закрытый ноутбук, а на нем стояла лампа зеленого цвета. Еще чуть дальше располагалось выглядывающее на южную сторону окно, занавешенное желтой кисеей. Кресло посетителя смотрелось более комфортабельно, нежели место самого психолога. К тому же располагалось оно так, чтобы человек, пришедший сюда, не сидел прямо напротив хозяина кабинета, а скорее чуть сбоку. Также занятен тот факт, что выход из помещения располагался не позади посетителя, а сбоку. Все создавало уют и комфорт для того, кто входил в этот кабинет.

– Ну как тебе? – Несколько горделиво заулыбался Бельцер.

– Неплохо, уютно тут. – Осипло ответил ему Крылов.

– Мне тут только дверь надо как-то сменить. Начальство правда не дает. Оно блин с трудом разрешило частную практику тут вести. И то люди напрягаются сразу, а помещение отдельное снять для них не могу. Дорого. Вот и приходится либо дома беседы вести, либо здесь.

Бельцер немного загрустил на этом моменте, но не потерял свежести. Он властно сел в свое кресло и выдохнул. Вот он, настоящий комфорт. Михаил же облокотил голову на ладонь и стал пространно смотреть на часы. Затем, будто отбывая номер, незатейливо спросил:

– Ты тут психотерапию ведешь?

– Да, как раз через пару часов придут ко мне. Девушка одна. А что? Тут комфортно. – Мужчина бегло окинул явно скучающего коллегу и продолжил. – Я бы и тебе посоветовал, не мешает, судя по тому, как по-черному ты пьешь. Да и бесплатно для тебя могу, как часть профессиональной терапии.

– Давай к делу, что там у тебя? – Грубо отрезал Сыщик.

Бельцер вздохнул, явно понимая, что сопротивление со стороны утопающего еще очень сильное. Но улыбка не сошла с его лица и для этого был подходящий повод.

– Нашли всех владельцев белых «Волг» в городе. Ребята из угрозыска пробили даже машинки из смежных областей. Уже начали работать по этой теме. Ну и накопили, что под различными штрафами и другими нарушениями стабильно числятся четверо.

– Так. – Интерес Крылова все возрастал.

– Хотя это и не моя работа, но я пробил по базам всех четверых. Самое интересное, что у двух из них гаражи находятся поблизости от места последнего преступления.

– А ты уверен, что ездит тот, на кого зарегистрированы машины?

Александр Германович откинулся на спинке и сделал из пальцев фигуру пирамиды.

– А это уже второй вопрос, но так или иначе, если отнимем машинку даже у владельца, можно будет найти там сле-

ды преступления.

Бельцер улыбался все шире. За ним повторял и следователь. Повод действительно имел место быть. Преступление могли раскрыть очень быстро, буквально за пару дней. И это не могло не радовать Михаил, которому всего за сутки пребывания уже успел надоест этот город и это расследование.

– Хорошо, займемся этим сейчас же, я хочу покончить с маньяком как можно быстрее. – С невероятной решимостью в голосе произнес Крылов.

– Стой, стой. К нам через пару минут должен зайти свидетель, родственник того парня. Давай хотя бы послушаем его.

Михаил закатил глаза. Он не хотел тратить время на допросы и дачу показаний, это все лирика. Настоящее дело – это поимка реального преступника. Александр Германович разглядел возмущение коллеги и пошел на опережение.

– Миша, все хорошо... Мы просто выслушаем его и поедем. Может пока отправишь людей проверить эти гаражи?

– Хорошо, сейчас свяжусь с Глебовым, пусть займется. Когда он придет, свидетель твой?

Бельцер посмотрел на часы и привстал со своего стула. При виде циферблата он ухмыльнулся.

– Я звал его к 11, тем паче, что он сегодня уже приходил. Думал как раз ты успеешь.

– То есть... – Крылов протер глаза и бодро посмотрел на часы. – То есть он должен придти через две минуты?

– Да, я же сказал. Не надо спать, просыпайся.

Раздался звонок на стационарный телефон, Бельцер мгновенно поднял трубку и, выслушав человека на линии, ответил.

– Спускаюсь!

Психолог, несмотря на более старший возраст по сравнению с сыщиком, энергично встал из-за стола и широкими шагами вышел из кабинета. Следователь же достал телефон и набрал Глебову, выдав все необходимые указания.

Михаил снова остался наедине с самим собой, но в этот раз не в пропахшем водкой номере, а в уютном теплом кабинете. Что, как ни странно для отделения милиции в крупном провинциальном городе, удивляло и даже изумляло его. Крылов привык к серо-зеленой безликости абсолютно большинства питерских отделений МВД. Ни одно из них не отличалось друг от друга. Даже кабинеты там имели почти идентичную обстановку и расположение дешевой пресованной из опилок деревянной мебели.

Немного тошнило и мутило, но принятые таблетки и спирт делали свое дело, смягчая боль и дискомфорт от очередного похмелья. Мужчине очень захотелось оказаться в своей теплой квартире на Мойке, где бы он мог пить, не вылезая из дома сутками напролет. Следователь находился в сладком предвкушении скорой победы над злом, за которым он сюда и приехал. Но он даже не представлял, насколько это зло многолико.

– Вот, проходите. – Послышался голос Бельцера из кори-

дора.

В кабинет вошел бородатый мужчина лет сорока в бушлате, черной шапке и рваных камуфляжных штанах с многочисленными карманами и замками. Выглядел он очень отталкивающе. Виной тому явно не самый привлекательный внешний вид.

Мужчина вошел в кабинет и сел на заранее заготовленный для него стул. В результате между ним, Крыловым и Александром Германовичем получился треугольник. Никто не сидел друг напротив друга, но каждый мог рассматривать собеседника. Только психолога несколько закрывал широкий дубовый рабочий стол.

– Здравствуйте. – Сказал мужчина уже после того, как сел на свое место.

– Доброе утро. – Ответил ему смиренно Крылов.

Посетитель сидел скромно, занимая минимум пространства вокруг себя. Предпочитал он смотреть в пол, либо перед собой. Его красный большой нос и вздутые щеки черновато-грязного цвета мешали в подробностях рассмотреть все лицо. Вдобавок больше половины физиономии занимала неряшливая пыльная борода, а лоб с почти половиной поверхности глаз успешно прикрывала шапка. Мужчина смотрелся очень скромно и непредвзято. На каком-то глубинном подсознательном уровне следователь даже проникся к нему, распознавая в нем себе подобного. Такого же забитого и загнанного в угол человека, как и он сам.

– Будете воду? – Предложил Бельцер и почесал вслед за этим ухо.

– Пожалуй откажусь, спасибо. – Заскромничал мужчина.

Михаил принял привычную для себя позу – свесив ноги крестом. Мужчина побоялся сделать также, однако повторил движения рук Крылова, сложив их на коленях.

– Это следовательно по делу похищения вашего племянника. Крылов Михаил Иванович, расскажите ему, как вас зовут и кем вы приходитеесь мальчику. Подробно.

Бородач бросил беглый оценивающий взгляд на мужчину чуть больше себя и хриплым, тонким голосом заговорил:

– Герасимов Иван Иванович, Леша мой племянник.

В разговор подключился Михаил, взяв ситуацию в свои руки:

– А вы как вообще за ним следили? – Грубо, но в мягкой форме спросил следователь.

Мужчина слегка поджался. Он создавал впечатление робкого, печального человека с очень несчастной серой жизнью. Казалось, что в общении с людьми он явный аутсайдер и никогда толком не разговаривал хотя бы на равных. Только после продолжительного мычания он, наконец, ответил:

– Леша не со мной жил, он же приютский. Просто я иногда к нему захаживал, старался шоколадку там подарить или еще чего. Редко получалось попасть к нему. Там таких, как я, не любят, не впускают.

– А вы где живете? По базам данных у вас не указана даже

квартира. Прописка есть?

– Была когда-то. Дом мой сгорел, и теперь я побирюсь крайние три года. Иногда знакомые пускают переночевать, если уж совсем холодно на улице. Зимами в канализационных люках ночью, там тепло.

Крылов приподнял брови, расслабил руки. Выражение лица изменилось, стало немного жалостливым и скорбным. Сменил он и позу. Теперь Михаил зеркалил посетителя и тем самым поддерживал его. При этом полностью проникнуться к нему у следователя не получалось. Что-то все равно отталкивало. И дело даже не во внешнем виде.

– А вы как узнали о том, что мальчика вашего... Убили? – Несколько сгустил яркую краску Бельцер.

– Я в приют как раз хотел сегодня утром пойти. Прихожу, а они мне говорят, что вот. – Мужчина потупил голову. – Что убили его. Не скажу, что мне прямо плохо стало, но такая опустошенность наступила. Казалось, будто весь мир против меня ополчился.

– А как вы до нас добрались? – Перенял эстафету следователь.

– Мне там сказали, что если уж я родственник, то мне нужно придти по такому-то адресу. Вы поймите меня правильно, я очень жалкий и бедный человек, мне ничего не нужно. Я просто хочу помочь, если хоть как-то смогу.

Допрос потенциального свидетеля превращался в жалостливый разговор по душам. Крылов понимал вредность дан-

ных бесед. Они скорее вредят расследованию, нежели помогают ему. Сыщик изо всех сил стремился поскорее закончить процесс поимки преступника. Уже после 15 минут разговора его беспокойство выдавало постоянное поглаживание часов на руке, постукивания пальцами по подлокотнику кресла и глубокие вздохи. Мужчина не смотрел напрямую в сторону следователя, однако не мог не заметить его готовность к немедленным действиям и положение, что называется, на низком старте.

Дальше работу следователя выполнял Бельцер.

– А с девочкой, Зиной Погодиной вы были знакомы? Ее похитили из ее же спальни.

Иван Иванович захныкал и всеми силами старался удержать слезы, но дрожь в голосе он удержать не сумел.

– Нет, не знал. Видел только, что моего мальчика отпускают куда-то погулять и не следят за ним.

– А вы сможете дать показания на суде?

– Думаю да, смогу. Только вот кто станет слушать такого ненужного обществу человека, как я.

Психолог достал из внутреннего кармана пиджака ручку с карандашом. Михаил щелкнул пальцами и спросил:

– Контактные данные у вас какие-нибудь есть или хотя бы место, где вас можно будет отыскать?

Оба, и следователь, и психолог понимали ненадежность подобного свидетеля, у которого не то что своего номера телефона не было, но и нормального дома. Привлекать такого

к делу просто бессмысленно. Наверняка сидящий перед ними мужчина это прекрасно осознает.

– Нету, а найти меня у вокзала можно. Я там живу. – Мужчина больше не мог себя держать и расплакался.

Александр Германович отвел взгляд в сторону, Михаил Иванович поступил также.

– Все, идите. Мы найдем вас, если потребуется. – Произнес дежурные слова следователь. – Выход найдете?

– Да. – Едва слышимо ответил мужчина.

Иван Иванович медленно встал и, заливаясь слезами и неестественно хныкая, направился к выходу. По его телу тут и там пробегала дрожь, оставляя его наедине со своими мыслями. У сыщика на мгновение возникла мысль проводить мужчину, но он переборол это желание простым аргументом – ленью.

Бельцер поднялся со своего кресла, быстрыми шагами подошел к двери и выглянул в пустой коридор. Шаги посетителя постепенно отдалялись, оставляя после себя грязные следы от сапог и странный сладковатый запах, похожий на какой-то аромат цветов вперемешку с крепким алкоголем.

Этот запах не нравился Крылову хотя бы потому, что от него снова жутко хотелось выпить чего-нибудь крепкого. Аромат цветов бил в голову и дурманил, включая в действие относительно мертвые мыслительные процессы. Следователь почувствовал себя так, будто ему только что указали на все его жизненные слабости.

– Надо проверить его. – Бросил раздраженно мужчина.

– Да, пожалуй. Но только если мы идем по верному пути, это и вовсе не потребуется. – Ответил спокойным тоном Бельцер

– А еще какие-нибудь зацепки ребята раскопали?

Крылов после ухода мужчины казался более бодрым и активным. Он непрерывно жестикулировал, вздыхал и менял мимику. Его поведение оживилось, глаза заблестели с новой силой.

– Нет, только это. И даже, представь себе, в округе ни одной камеры наблюдения. Впрочем, они у нас есть только в отделениях милиции да в здании администрации.

– Как зовут владельцев машин, о которых ты говорил?

Михаил придвинулся к коллеге, чем сильно сократил дистанцию между ними. Бельцера подобный поворот несколько смутил, но он не подал виду. Психолог знал, что такая нестабильная личность, как Крылов, будет пробовать любые методы, лишь бы надавить на окружающих.

Александр Германович не торопясь взглянул на бумажку с фотографиями. Там числились краткие досье на двух сильно разнящихся между собой мужчин.

Первый блондин, высокий, хорошо одетый и слишком молодой. Второй, уже очевидно, находился в предпенсионном возрасте и тоже внушал определенное доверие. Однако у Бельцера с Крыловым было нечто большее, чем простая логика – профессиональное чутье.

– Первый, Михаил Крабовский, 24 года. Инженер, совладелец автомастерской. – Бельцер присмотрелся к адресу. – Живет далеко от места преступления, зато гараж близко.

– Совсем его не красит, он мог специально выезжать в другой район.

– Хорошо. – Александр Германович продолжил. – Петренко Игорь Павлович, 52 года. Безработный, живет на мелкие заработки.

– Больше подходит. – Заметил для себя капитан.

– Тоже так думаю. Я пока к их гаражам машинки выслал, чтобы осмотрели округу, пока стряпается судебное решение.

У Михаила зазвонил телефон. Маленькая Nokia вмиг оглушила обоих мужчин и наполнила комнату типичным для этой модели телефона и фирмы рингтоном. Следовательно достал его и посмотрел на панель. Звонил неизвестный номер. Михаил не сразу решился ответить. Только через минуту долгих рассуждений он смог преодолеть себя.

– Алло! – Нетерпеливо сказал Крылов.

На том конце трубки заверещал знакомый голос сержанта Глебова. Михаил Иванович сначала расслабился, а затем резко изменился в лице. Глаза загорелись небесным огнем, а щеки покрылись краской. То, что ему рассказал Глебов, превышало все ожидания и не входило ни в какое сравнение с тем, какие дела до этого раскрывал опытный следователь.

Сыщик обернулся к психологу и достаточно тихим, но мощным голосом сказал:

– Девочку нашли!

«Все как у людей»

– Живая хоть? – Спрашивал Бельцер в момент, когда они оба запрыгивали в машину.

– Не знаю, адрес только назвали и все. – Отвечал следователь.

Переполошилось все немногочисленное отделение милиции. Дежурный усиленно искал номера телефонов родственников девочки. Опергруппа в спешке надевала бронежилеты и проверяла готовность автоматов к бою. Уже через три минуты после звонка Глебова, уехавшего одного, в его сторону направилось три машины. В первой ехали Крылов с Бельцером, в остальных оперативная группа и остальные сотрудники, необходимые в таких случаях.

– Скорую туда вызывайте. – Потребовал Александр Германович, уже сидевший за рулем служебной «семерки». – А то поздно может быть.

Михаил пребывал в эйфории. Он понимал, если тело нашли у владельца машины в гараже, то ему уже точно никак не отвертеться и не уйти от ответственности. Подобный расклад на руку всем, в том числе и обвиняемому. Ведь для него же лучше, если он признается в совершенном преступлении и смягчит свою участь.

Капитан как мог торопил колонну, дирижируя всеми с помощью рации. По ней он передавал четкие инструкции

по движению и дальнейшим действиям.

Каждую минуту сыщик подключал рацию и отдавал новые и новые приказы. В его действиях четко прослеживалась быстрота и эффектность:

– Внимание всем! Как только прибываем на место, выступает первый отряд, используя машину как щит. Затем, если все чисто, идет второй отряд. Дверь в гараж будем выбивать в случае, если она закрыта. Не забываем про возможные ловушки. Внутри включаем фонари и обследуем гараж. О любых подозрительных вещах сообщаем напрямую мне. Затем раскрываем полностью ворота для поступления дневного света. Все понятно?

– Так точно. – говорили в ответ.

Все хором выражали согласие с позицией капитана и готовность следовать ей. Крылов даже на несколько минут ощутил себя непогрешимым командиром, готовым вступить за каждого своего бойца.

Наконец, спустя двадцать минут движения колонна подобралась к нужному гаражу. Наваливший утренний снег большими снопами оккупировал дорогу и мешал автомобилям проехать. Небо все еще искрилось редкими снежинками, неслышно пролетавшими над гудевшим городом.

Колонна из одной «семерки» и двух УАЗиков свернула в длинный ряд кирпично-серых гаражей. Между безликими постройками разной величины и паршивости шла довольно широкая грунтовая дорога. Благо места для того, чтобы

расположить здесь машину, хватало с запасом. Между двумя противоположными гаражами уютно могли бы поместиться три автомобиля. Выкрашенные белыми красками номера гаражей помогали ориентироваться в этом царстве старинных трущоб. Но даже с четкой нумерацией легко заплутать в этом месте и потратить много времени на то, чтобы выбраться.

Нужная дверь, немного ржавая, выкрашенная в бледно-зеленый цвет встретила незваных гостей равнодушием и спокойствием. Ее номер, «154», совершенно ни о чем не говорил прибывшим на место оперативникам, однако безошибочно определял владельца гаража – Петренко Игоря Павловича.

На черных дверях противоположного гаража большими красными буквами кто-то написал: «Здорово и вечно». Рядом в уголку расположилась цифра «77». Такая надпись служила хорошим ориентиром для проезжавших мимо людей на автомобилях. Сами же гаражи тянулись вперед еще на полкилометра, пока не обрывались железной дорогой на Кандалакшу и Мурманск.

Первым выскочил из жигулей Михаил Иванович. Мужчина тут же зашел за машину и наскоком выхватил пистолет. Он жестом приказал остальным вылезти из автомобилей и занять боевую позицию. Затем сыщик облокотился на багажник и направил свой взгляд на ржаво-зеленый прямоугольник входа в гараж. Приоткрытая на несколько сантиметров дверь манила к себе, просила зайти внутрь и молила

обследовать каждый клочок пространства.

Но никто никуда не спешил. Хотя стоило бы, ведь девочка может быть еще жива. К большому разочарованию всех участников операции Глебов не сообщил опергруппе о том, все ли в порядке с ребенком. Его голос оборвали помехи и странный шум криков. В связи с этим возникал второй не менее важный вопрос: а жив ли он сам?

Крылов внимательно осмотрел «улицу», по которой могли перемещаться машины и люди между гаражами. Только вдали гундела болгарка, навевая унылую атмосферу пустоты. Первая группа плотных мужчин в темно-синих куртках с автоматами наперевес короткими тихими шагами пошла вперед. Двое с разных сторон подобралась к двери, третий страховал, стоя чуть дальше. Он держал выход из гаража под прицелом. Вторая опергруппа также вышла из машины и зашла за нее, используя как укрытие. Семеро вооруженных сотрудников полиции против одного маньяка-рецидивиста. Шансов у него оставалось немного.

Крылов, предвкушая скорую победу, облизал губы и широко улыбнулся. Однако пистолет убирать не стал. Черное, как смола, дуло смотрело на дверцу, так обманчиво и заботливо приоткрытую для дураков. Каждый неверный или нелепый шаг и ситуация рискует обернуться загубленными жизнями и здоровьем людей – самых простых сотрудников милиции. Капитан осмотрелся и на миг задумался. У каждого человека, стоящего рядом, есть свой дом, любящая се-

мья, планы на жизнь. Не стоит ими пренебрегать ради одного, пускай и очень опасного человека. Мысли мужчины сбил громкий, отчетливый голос, доносящийся из утробы стальной ржавой коробки.

– Не стреляйте! Это я, Глебов.

Все переглянулись между собой.

– Что там, сержант? – Крикнул ему в ответ сыщик.

– Товарищ капитан, чисто. Тут все.

– В смысле все? – Переспросил Бельцер, находившийся за водительской дверцей. У него, в отличии от остальных оперативников, не было даже пистолета.

– Тут девочка висит, та, которую искали. Мертвая. А еще и хозяин гаража наведался. Все в сборе, сами только посмотрите.

– Идем! – Скомандовал Крылов.

Никто оружие опускать не стал. Будучи опытным оперативником, Михаил Иванович не исключал ситуацию, при которой Глебова могли держать под дулом пистолета или ружья и заставляя заманивать коллег в ловушку.

Один милиционер медленным, почти нежным движением приоткрыл дверцу гаража. Немного брезжил свет внутри, покрывая тусклой желтоватой негой все помещение холодного бетонного помещения.

– Здорово и вечно. – Сказал Бельцер, глядя на свет, проникающий тонкими струйками на улицу.

Михаил осторожно обошел двух оперативников и вплот-

ную приблизился к двери. Немного пригнув ноги, он жестом показал, что врываться надо резко и без колебаний. За три секунды они должны проверить все углы и удостовериться в том, что их не ждет ловушка.

Оперативник внимательно осмотрел щель, из которого открывался вид на внутренности гаража. Помимо маленькой лампочки наверху и большого шкафа с инструментами он ничего не увидел. Щели в дверях оказалось недостаточно. Капитан направил взгляд вниз и пошарил глазами по полу в поисках потенциальной растяжки. На его счастье ее там не оказалось. Михаил прижался к ледяной металлической стенке и пальцами начал считать от пяти до нуля. Каждый загнутый палец отсчитывался очень быстро. Как на зло, Глебов не подавал никаких сигналов.

После того, как следователь загнул последний палец, оперативники наконец ворвались внутрь. В помещение хлынули поочередно трое хорошо вооруженных мужчин. Они быстро проверили все углы и наименее освещенные участки гаража. Никаких следов ловушки или западни на первый взгляд не оказалось. Однако главный подвох они заметили не сразу.

Их ожидал второй неожиданный сюрприз за два дня. Крылов с только что вошедшим Бельцером и остальными оперативниками уставились на висящую почти у потолка девочку, по фотографии похожую на пропавшую Зину Погодину. Рядом с телом стоял Глебов и одной ногой прижимал к полу сорокалетнего мужчину. Сержант сковал преступника на-

ручниками за спиной и держал его на мушке, пока ждал подкрепление. Больше никого в гараже не было вплоть до приезда основных сил.

Мертвую, изнасилованную Зину подвесили к невысокому потолку с помощью мощной объемной веревки и небольшого, но крепкого портового крюка. Бичевку перетянули от стены к стене. На ней подвязали крюк, а его уже воткнули в спину ребенку. Металлический стержень располагался так глубоко в недрах тела, что из шеи девочки выпирал конец крюка. С безжизненного железа вязким потоком стекала на холодный бетонный пол багровая жидкость, еще совсем свежая. Девочка свесила голову и иронично напоминала сушившееся белье, оставленное кем-то на несколько часов.

Кровь повсюду. На голом обледеневшем теле, на волосах, ключьями вырванных с головы и лежавших тут же у ног девочки. Жидкость небольшими каплями бежала изо рта и, перекликаясь ручейками, проходила через всю грудную клетку и живот и устремлялась к развороченной незрелой промежности.

Переполненный плотный живот пытались вскрыть. Однако преступнику не удалось это сделать или он не успел. Сыщик, уже переставший удивляться происходящему, потупил голову в бессильной попытке не смотреть на страшное зрелище. В отличие от него, Бельцер старался хотя бы создать видимость, что он держит себя в руках. Психолог обошел ребенка со всех сторон и осмотрел немалых размеров крюк

на спине девочки. Даже для маньяка-садиста это слишком извращенный поступок. Но удивляться тут нечему, ведь любой преступник это человек. А у человека все как у людей. Все, кроме души.

И если реакция опытного следователя логична и предсказуема, то вот об остальных присутствующих говорить и не приходится. Всех поразило шок от увиденного, они предпочли покинуть помещение, дожидаясь указаний снаружи. Кто-то нервно курил и дрожащими руками ставил автомат на предохранитель. Кто-то доставал флягу с крепким содержимым и пил вздох в надежде отойти от неприятных эмоций.

В одном из отверстий крюка извивался белый цветок с зеленым липучим стеблем. Михаил подошел к крюку, снял растение и детально осмотрел. Оно выглядело свежим и молодым. Даже не разбираясь в цветах, он понимал, что цветку не больше суток.

Глебов находился не в себе. Он смотрел на мужчину, которого прижал к полу, разъяренными глазами хищника. Сержант с гневом давил на мужчину своим тяжелым берцовым сапогом и держал дрожащий вспотевший палец на спусковом крючке.

– Опустит оружие, сержант. – Приказал капитан.

Глебов послушался не сразу. Он будто находился в прострации и не спешил выполнять приказ. Его тело все еще тряслось.

– Глебов! Убери пистолет. – Повторил следователь.

Только после повторного приказа сержант постепенно пришел в себя и не спеша, с дрожью в пальцах и руках выполнил приказ.

Капитан осмотрел преступника с ног до головы. Мужчина тихо плакал в пол. Его нос, замазанный снежной кашей и грязью, испускал целые ручьи соплей и крови. Красные глаза умоляюще смотрели в землю, а волосы кровавыми лоскутами свисали с макушки.

– Ты зачем его избил?

Крылов недовольно посмотрел на сержанта, тот ответил ему взаимностью.

– Вы видите, что он с девчонкой сделал? Как мне иначе с ним поступать. Приласкать, пожалуй?

Глебов из шока впал в ярость и гнев. Капитан, дабы не уступать ему, отвечал высокомерным спокойным взглядом, стараясь сдержаться. Самое глупое, что только можно сделать сейчас – поддаться на неосознанную провокацию.

– Отойди от него. Подыши, мы тут сами разберемся. – Следователь внушительно посмотрел на него и взглядом показал на выход.

Сержант небрежно поставил пистолет на предохранитель и размашистым движением засунул его в кобуру. Каждое его сержанта сопровождалось ярким тремором и неряшливостью. Он неуклюже приблизился к раскрытой двери и едва не споткнулся об косяк.

– Сержанти! – Окрикнул его вновь капитан.

– Что?

– Позови сюда двоих и вызывай Ермилова. Понял?

– Да.

Глебов вышел на свежий воздух и нервно закурил, выдыхая дым в землю. Вместо него в гараж зашли двое невысоких оперативников в стоптанных от времени ботинках. Они в нерешительности остановились у выхода. Один из них, Макс Кочевников, на всякий случай приблизил палец к курку автомата и снял оружие с предохранителя. Второй, Леня Шевцов, остановился в проходе и угрюмо глядел на происходящее.

– Поднимите его. – Приказал капитан.

Приказ тут же выполнили. Максим с Леонидом взяли лежавшего на полу мужчину за подмышки и поставили на ноги. Крылов теперь мог подробнее рассмотреть мужчину, стоявшего перед ним.

– Петренко Игорь Павлович, верно? – Спросил Бельцер

– Не бейте! – Жалостливо, но громко ответил мужчина.

На свет показалось сплошь разбитое лицо с многочисленными кровоподтеками и опухшими от слез и ударов глазами. Из губы вытекала кровь и лимфа, а челюсть, выгнутая влево, обнажала обломанные желтые кариозные зубы.

– Имя, фамилия!? – Не сдержался сам капитан и, выхватив автомат у лейтенанта, с жаром прошелся прикладом по его физиономии.

– Не бейте, прошу. – Сквозь выбитые зубы вновь едва понятно процедил мужчина. – Я скажу все. Я виноват!

– Петренко Игорь Павлович. Да? – Терял терпение и Бельцер. – Я прав?

– Да, правы вы. Ей богу. Я это.

Мужчина выглядел жалко. Когда Александр Германович просматривал его профиль в базе данных, он увидел не раз привлекавшегося за домогательства и кражи мужчину сорока двух лет. Однако на поверку из-за тягостного образа жизни мужчина выглядел гораздо старше. Ему вполне можно было дать пятьдесят, а то и пятьдесят пять лет.

Черная весенняя куртка с такой же черной толстой кофтой скрывали под собой уже состарившееся тщедушное вялое тело, сплошь покрытое татуировками. На голове практически не осталось волос, а на пальцах – ногтей. Кожа мужчины, белая, как мел, покрывалась морщинами и фурункулами. В волосах проскакивала единичная седина. Глаза отражали невероятную доброту и безнадежность. Они выручали общую убогость мужчины и компенсировали его блатной и даже преступный вид. Смешная бородка и вовсе придавала ему вид святого старца.

В стиранных карманах у худого преступника не было даже сигареты, не то что сил. Даже бегло взглянув на этого человека, приходит понимание того, что он безнадежно болен и не в состоянии не то что оказывать сопротивления при задержании, но и хоть как-то физически воздействовать

на своих жертв. Под исключение не попадали даже маленькие девочки.

Так у Бельцера сложились первые подозрения в том, способен ли такой человек совершить вменяемые ему преступления. Промысел безжалостного маньяка требовал от него хорошей физической и психологической подготовки. К тому же жертвы его истязаний очевидно сопротивлялись и пытались всеми силами освободиться. Для того, чтобы противостоять даже маленьким девочкам, так или иначе необходима сила. Александр Германович посчитал, что у Петренко ее просто нет.

– Черт с ним, давай уже в участке все выясним. Ему в себя надо прийти, он ничего не скажет сейчас.

Бельцеру на мгновение стало жалко мужчину. Но когда его взгляд снова упал на подвешенное на веревке тело, жалость тут же улетучилась.

– Ребята, пакуйте его.

Капитан напоследок еще раз хорошенько прошелся по мужчине и рассек ему бровь. Ему оказалось не под силу сдерживать себя в узде. Михаила не останавливали ни правовые, ни даже моральные рамки. В отношении серийных убийц можно действовать и похуже, считал капитан.

К тому моменту, как Степан Викторович подъехал на место обнаружения тела девочки, Петренко уже увезли в изолятор, а Бельцер с Крыловым поехали в отдел участвовать в опознании ребенка и думать, как раскалывать маньяка

на признательные показания по убийству в лесу.

Михаилу всегда тяжело давались такие дела. Дела, требующие не только напряжений пропитого вдрызг ума, но и подсказок совести, души. К его счастью, маньяков у него в профессиональной биографии было не так уж и много. Но из тех, с которыми он имел дело, приходилось повозиться. Часто бывало, попадался чудовищно умный преступник, но он прокалывался на мелочах и, поняв, что проиграл, оказывал вооруженное сопротивление при задержании. Не трудно догадаться, это всегда заканчивалось его бесславной смертью. После всего всегда следовало облегчение, небольшой запой и почти сразу – новое дело. Правда это всего лишь цветочки.

Психологически гораздо тяжелее становилось пережить такие моменты, в которых капитану хотелось пожалеть преступника, ассоциировать себя с ним. После изучения дела он понимал, что тот, на кого он охотится, считает себя обязанным совершать преступления. Трудно становилось и по другой причине. Возникшее чувство вины за все жертвы, которые оказываются на пути убийцы, очень часто грызло его изнутри, мешая работе. А преступников с их жертвами он начинал жалеть тогда, когда душегубы признавались во всем и рассказывали ему о мотивах, которые двигали ими. А раскалывались рано или поздно все.

Кто-то убивал из-за денег, кто-то по идейной составляющей. Бывали и религиозные фанатики, даже сатанисты

и приспешники дьявола. Так или иначе, в практике следователя никогда не было серийных убийц с мотивом, игнорирующим все перечисленные. Многих преступников, пойманных им, объединял банальный экономический мотив, очень чувствительный и близкий самому следователю. Он тоже бедствовал, как и эти люди. Терял деньги на ставках, пропивал, занимал в долг. Сам дважды чуть не убивал и не насиловал из-за средств к существованию. Быть может, по причине своей финансовой и сексуальной неудовлетворенности он и слыл таким безумным, жестким и одновременно очень справедливым в отношении обездоленных, горюющих. Никто так и не мог определить, что у него на уме и на какие невероятности он вообще способен.

Как бы иногда не хотелось, а всегда что-то ему мешало поступить как преступник. Непонятные ему самому обстоятельства отодвигали неизбежное. Его мысли о сладости совершенного преступления никогда не переходили в действие. Он ограничивался косвенным удовольствием – поимкой или убийством преступников.

Может теперь уже пора и все слова истлели?

– Может быть скажешь, как ты ее насиловал? – Пытливо требовал ответа Крылов. – Как разворотил все ее внутренности, матку. А?

За полтора часа следователь так и не смог добиться ответов на свои вопросы. Ему бы сейчас не помешал отдых или

разговор на какую-нибудь отвлеченную тему.

Игорь Петренко все время только смотрел впереди себя и немного хныкал. Временами он доставал металлический нагрудный крестик и целовал его, читал молитву. Ноги тряслись, руки он почти не мог контролировать. Он постоянно ощущал холод, о чем много раз говорил. Однако циничный следователь не реагировал на просьбы и продолжал гнуть свою линию.

Михаил пробовал давить на мужчину лишением базовых вещей вроде еды, воды. Сыщик игнорировал его взывания и мольбы, всецело посвящая себя игре в поддавки. Он надеялся на скорую победу. Петренко быстро сломается под гнетом. Но после двух часов почти безостановочного допроса ситуация никак не изменилась, властная и прямолинейная политика капитана не имела успеха. Скорее наоборот, она еще больше закрывала Петренко в себе.

Время подбиралось к семи часам вечера. На улице уже темнело в это время. В камере, где проводился допрос, единственное оконце выходило только на всегда темный внутренний двор, заваленный снегом и различного рода хламом, за которым возвышался трехметровый забор с колючей проволокой. Противное и депрессивное место. В отдалении бледно мерцали огни прожекторов и уличных ламп, задворки города, задворки мира. Игорь то и дело пытался взглянуть туда, в апокалипсис, в место, откуда он когда-то сбежал, но рисковал вновь вернуться.

В самом помещении ничего кроме голых бетонных стен, кровати, стола и двух стульев не было. Допрос проводился прямо в камере, в которую поместили мужчину. Слабое освещение покачивающейся ржавой лампы и гнетущая атмосфера сумерек придавала беседе несколько дьявольский характер.

– Побойтесь бога, не гневите его. – Говорил мужчина, целуя крест.

– Атеист я, понимаешь? – Устало процедил следователь, рухнув на погнутый металлический стул. – А ты и дальше верь в свой «Город Солнца».

– Верьте или не верьте, а бог и к вам придет.

Михаил откинулся назад, насколько это возможно.

– Хочешь секрет? Заповеди не подчиняются правовым нормам, а местами даже и противоречат им. Именно поэтому мне даже по долгу службы верить не положено.

Петренко ненадолго повернул корпус к Крылову и посмотрел ему прямо в глаза. Капитан заерзал на стуле от страшной улыбки истерзанного мужчины. Рот у того наполнялся кровью, шатались зубы. Взгляд одновременно и пронзал насквозь, и жалел.

– Я вижу вас, полностью... Вы делали много плохих вещей. Каждая губит вашу душу и приводит к осознанию собственной никчемности. Я знаю, какого это. – Мужчина принял скорбное выражение лица и видя, что собеседник прикрывает рот и зевает, словно перебил его. – Позвольте мне

договорить. Я переступил через десяток людей, а то и больше. Лишь недавно я нащупал нужный путь – путь спасения. При этом я даже близко не пришел к пониманию ценности жизни. Если бог позволит мне взять вину за чужие ошибки, я, конечно же, возьму ее. И вы тоже можете спастись, но учтите, вам будут мешать.

– Кто же? – Иронично усмехнулся капитан.

– Те, кто вас окружает. Из-за них вы пойдете по очень тонкому льду. Любое неаккуратное движение с их стороны, и вы провалитесь в холодную воду безвременья.

Крылов приподнял острый подбородок и нажал на него пальцами, кожа резалась от грубой щетины. Другой рукой он теребил по столу, представляя, будто играет с пустой рюмкой из под водки. Затем он спокойным, прокуренным голосом сказал:

– Вот что, христианин, моя работа заключается в том, чтобы не верить людям, а верить фактам. А об остальном я подумаю.

Капитан поднялся со стула и медленными шагами заходил по комнате. У него возникла мысль обратиться к Бельцеру за помощью в допросе, раз у него самого не получается.

– Да как же можно, особенно при вашей-то работе?

Мужчина говорил тихо. Его голос, смиренный и дрожащий, будто бы внушал капитану, что на него бесполезно давить. Нужны другие способы.

– Работа как работа, не чета твоей.

– Я тружусь на заводе. По две нормы в день делаю. С божьей помощью исправляться вот начал. Да вот незадача, не отпускает меня прошлое мое. – Мужчина, отвернул голову в сторону и вновь стал покачивался на стуле и про себя молиться.

– Да какое прошлое? Ты двух детей убил, изверг!

Следователь не мог не взорваться. Он ходил по всей камере, использовал все окружающее пространство, не раз вмешивался в личную зону мужчины и использовал все известные ему методы силового воздействия на допросах, исключая физические. Даже угрожал ими, однако мужик оказался на поверку очень крепким орешком. Он постоянно уводил разговор в другое русло, не отвечал, игнорировал вопросы, молился. Капитан совершенно не верил в его искренность. И даже когда тот зачитал «Отче наш», в ответ ему сыщик чуть ли не рассмеялся. Он понимал, что даже разговор на отвлеченную тему никак не помог ему успокоить нервы. Еще чуть-чуть и терпение безнадежно лопнет и он сорвется.

Петренко вновь проигнорировал его прямой вопрос и опустил голову. Он бы сжался в клубочек, если бы мог. Следователь же в очередной раз наращивал давление. Он кожей ощущал, как с каждой минутой к нему все сильнее подступает точка кипения.

– Ты же ведь понимаешь, что я все равно добуду ответы на свои вопросы, чего бы мне это не стоило?

– Не думаю, господь тебе не позволит.

– НЕТ БОГА! НЕТ! – Заорал наконец Михаил и несколько раз ударил кулаком по хрупкому алюминиевому столу.

– Есть, и в тебе он тоже есть.

Крылов ударил ногой в батарею, повредив подошву. Затем подошел к двери изолятора, повернувшись к мужчине спиной. Он не боялся нападения сзади, так как Петренко приковали двумя наручниками. Одни надели на запястья, вторыми приковали его ногу к ржавой батарее. Даже если бы щедушный Петренко захотел, он бы ни за что не смог физически одолеть плотного коренастого следователя. Несмотря на схожий возраст, они находились в разных физических кондициях. Даже будучи хроническим алкоголиком, Крылов без труда бы справился с хрупким морщинистым мужичком.

Капитан дрожащими от перевозбуждения пальцами достал из промокшей пачки последнюю сигарету и нервно закурил. Он стоял лицом к решетке и видел все, что происходит в коридоре. Звенящая пустота царила в этом темном, тихом царстве. Только в конце коридора на вечернем дежурстве сидел один молодой курсант и заполнял кучу ненужных никому бумажек. Больше никто на первый этаж изолятора не заглядывал. Даже некоторые камеры по соседству пустовали. А те, в которых сидели задержанные, хорошо изолировались от звуков.

Крылов очень быстро докурил сигарету и выбросил окурок прямо в угол камеры. Он снова потянулся в карман своего пальто за очередной порцией никотинового яда. Однако

когда Михаил раскрыл пачку и не смог там нащупать ничего, кроме скрежета мокрой бумаги, его глаза закрылись от досады, а руки с силой сжали пустую пачку. Еще одной сигареты ему бы точно не помешало.

Следователь прикрыл «форточку» в двери камеры и повернулся к Петренко. Мужчина так и не поменял позы. Все сидел смиренно, сведя ноги и руки вместе и целуя крест на груди. Его взгляд расплывался, а тело мерно покачивалось.

Спокойствие и смирение мужчины привело капитана в иступление. Он издал яростный крик и с силой опрокинул стол. Петренко подскочил на стуле, однако встать не смог. Он был очень слаб, чтобы сопротивляться. Плотный Михаил взял его за шиворот и повалил наземь. Мужчина попытался закрыть голову руками, однако его попытки оказались тщетными. Этим он только забавлял истязателя.

Сыщик бил его кулаками в живот, ломал ребра и кусал за уши. Затем в ход пошли ноги. Следователь бил его до тех пор, пока Петренко не стал кашлять кровью и плакать от адской боли изнутри. Михаил старательно избегал ударов в голову, боясь убить мужчину.

– Не надо, прошу! – Вопил Петренко.

– Ты убийца и педофил! – Ревел ему в ответ Крылов.

Мужчина ничего не мог ему ответить. Капитан выпускал пар с такой силой, с какой и по молодости не часто дрался. Его забавляла беззащитность жертвы, ее слабость и нежела-

ние отвечать. Еще сильнее заводили молитвы, которые мужчина пытался читать вслух. Чем громче вопил Петренко, тем сильнее его били. Голос срывался, изо рта шла кровь, но избиваемый старался удержать себя в руках и не осыпать изверга проклятиями.

Пол постепенно наполнялся брызгами крови, Петренко стошнило. Он больше не произносил ничего, кроме одного единственного: «Боже, спаси нас!» и продолжал безуспешные попытки закрыть живот от ударов.

Наконец все прекратилось. Избитый до полусмерти еле дышал и жадно пытался глотать воздух, пропитанный злобой мучителя и кровью мученика. Мужчина продолжал верить, что Господь Бог все еще с ним и он поможет, если потребуется. Эта вера заставляла его еще сильнее вдыхать воздух и цепляться за жизнь. Он вдруг осознал, насколько сладким может быть обычный глоток кислорода. С своему несчастью, Петренко не потерял сознание. Поэтому боль не покидала его ни на минуту. Он испытал такое чувство, будто все его внутренности перемешали между собой и превратили в кашу. Тяжело дышалось и от сломанных ребер. Их осколки вполне могли пробить легкое и тогда мужчина был бы обречен. Он мужественно цеплялся за жизнь, продолжая смиренно лежать без возможности и без желания оказать сопротивление и причинить боль.

Крылов тоже дышал с хрипотцой и одышкой. Но по причине усталости, а не жгучих мук. Он быстро пожалел, что со-

рвался, однако не решился дать слабину и показать жалость со своей стороны. Сыщик утешал себя тем, что Петренко заслужил сурового наказания. Заслужил, потому как убил минимум трех ни в чем не повинных детей. Этого аргумента было достаточно для следователя, чтобы дать себе волю.

Он вышел из камеры и закрыл ее. Кулаки саднили, а на обуви вместе с засохшей уличной грязью появилась свежая вязкая пленка рвоты. Мужчину вырвало на его ботинки. Михаил кусочком штанины вытер потертую кожу и направился в конец коридора, откуда уже бежал навстречу дежурный.

– Товарищ капитан, что там случилось? – Растерянно спросил молодой человек.

– Неважно. Просто никому об этом не говори. Понял?

Крылов грозно посмотрел на парня двадцати пяти лет и показал окровавленные кулаки. Тот растерянно покивал головой:

– Есть, товарищ капитан.

– И еще. – Крылов глубоко вздохнул. – Вызови ему врача. Мне по делам надо.

«Презумпция виновности»

Еще пару дней Петренко, измученный и избитый, подвергался допросам по несколько раз в день. Крылов постепенно успокоился и избрал новую тактику поведения. Вместо прямого и сильного давления на допросы он постоянно носил с собой бумаги, на которых ручкой предварительно писал «чистосердечное признание». Еще он приносил в камеру маленькие иконки, как бы желая получить благословение подозреваемого.

На этом странности в поведении капитана не заканчивались. Помимо прочего, он время смотрел прямо в глаза арестованному. Этот взгляд не то пронзал насквозь и испепелял, не то жалел и ласково обнимал своим крохотным огнем.

Мужчина смотрел на все происходящее и думал, что следователь не то хочет его убить, не то пожалеть. А может сделать с ним и то, и другое. Иногда он вел себя так, словно и вовсе не желал с ним беседовать и иметь хоть какие-то дела. Мужчина предполагал, что следователь на него даже обижается.

Но главное оставалось прежним – Петренко молчал. Он все время молился и никак не мог понять, что же ему делать. Мужчина считал себя невиновным в убийстве двух девишек, двух невинных душ. Вера в Господа Бога закрепила в нем добрые помыслы и желание каяться во всех, даже ма-

лейших прегрешениях. Игорь понимал, он точно был уверен, он не убивал и тем более не насиловал детишек. Мужчина сам проклинал того человека, который его подставлял под самую убийственную статью из всех. Оговаривать себя Игорь, разумеется, не хотел. Но он наблюдал за собой и эти наблюдения показывали, что с каждым новым днем и с каждым новым допросом со следователем, мужчина все больше и больше хочет сдаться на милость победителю. На милость извергу.

Петренко спрашивали: где машина? Или: что вами двигало?

Но он не знал ответы на эти вопросы. Зачастую он просто молчал, обдумывая свой четко поставленный ответ. Его фразы «я не знаю, я на ней уже больше года не езжу» или «я оказался там единственно потому, что мне понадобилась бутылка водки» расценивались Крыловым и Бельцером лишь как попытка запутать следствие.

И ведь странности действительно имели место быть. Как Петренко оказался в своем гараже именно тогда, когда туда же приехал Глебов? Неужели это чистая случайность, благодаря которой раскрывается так много гнусных дел.

Игорь постоянно размышлял об этом, однако несмотря на психологическое давление еще не был готов пойти на самооговор. Он лишь молился и плакал по ночам. Мыслями он возвращался в молодость, детство, уже до отказа заполненные его греховностью и преступлениями. Для него, ныне

верующего, уже неудивителен эффект кармы за все то, за что он не раскаялся. Петренко как раз вспоминал случай, самый яркий в своей жизни, после которого таки сумел свернуть с кривой дорожки и начать новую жизнь.

Относительно недавно, в Петербурге в 2001 году он сидел со своим другом-сидельцем Витьком у него дома. Пили на кухне поздним вечером, когда все жильцы уже были дома. Застолье на двоих товарищей и больше никого. В очередной раз они собрались для того, чтобы заочно «проводить» в колонию общего друга.

Витек с Игорем прошли много лагерей и стали практически родными людьми. Начиная с 1986 года они оба сидели в одних и тех же тюрьмах, каждый раз осужденные разные сроки по схожим статьям. Все это время они поддерживали общение.

В те моменты, когда один из них сидел, а второй находился на воле, они часто переписывались и делились новостями. Годы лишений, испытаний и преступной жизни закалили их характеры, им казалось, что нет никакого способа их запугать или шокировать.

Этой зимней рождественской ночью в квартиру, где жил Виктор, вломился мясистый мужчина с обрезом и заставил обоих уголовников лечь на пол, заложив руки за голову. Все произошло так резко и быстро, что никто ничего не успел понять. Подробности Игорь не помнит и сейчас, а тогда и вообще казалось, что все происходит будто в бреду. Особенно

запомнился Игорю лишь момент, когда ворвавшийся в дом мужчина заставил их лечь ударом тяжелого сапога. Петренко почесал плечо при этом воспоминании. Да уж, удар у этого мужчины был сильным.

Прятели спяну подумали, будто мужчина собирается их ограбить. Пока усатый толстяк что-то доставал из своего вещмешка, Виктор максимально тихо обернулся и потянулся за бутылкой водки, дабы разбить ее об голову неадекватного агрессора. К несчастью авантюриста, в этот же миг в бутылку из ружья последовал выстрел, необычайно тихий, как хлопок пакета. Стекло разлетелось вдребезги, зацепив осколками стекла щеку и уши Петренко. Мужик проревел:

– Дочь мою ты лапал?!

Эти слова обращались к приятелю Игоря. Виктор ответил, отвернувшись снова в пол:

– Че ты чешешь? Не знаю я ни тебя, ни твоей дочери, мужик.

– Я видел тебя сегодня. Ты лапал ее, козел!

Виктор предпринял попытку приподнять голову, чтобы его лучше было слышно, но толстяк приложился ботинком по уху и не позволил это сделать.

– Помню! Я ей сегодня мороженое купил всего лишь, а она в благодарность обняла меня.

– Не ври, и этот гад с тобой был!

– Был. – Ответил Петренко. – Но он в натуре ее только обнял.

Гнев мужчины несколько ослабел и превратился в холодную ненависть.

– Я нашел вас, потому что знаю, где живут все здешние сидельцы, добрые люди сказали. И так как вы сегодня провинились, вас нужно наказать. Ведь как известно, незнание жизни не освобождает вас от смерти.

– Мужик, сядешь же. – Прохрипел Виктор.

– Не сяду! Для тех кто в танке, я майор местного УБО-Па, так что посадить меня не получится. Иначе как бы я вас отыскал?

– А! Вот как. – Все еще не понимая происходящего пьяно икнул Витька.

Толстяк же отошел на пару метров назад и несколько приспустил ружье. Затем повел свою речь:

– Я очень хочу кончить вас обоих, но патрон у меня с собой только один. – Мужик достал револьвер из кармана пуховика и покрутил им одной рукой. Во второй он все еще держал ружье. – Вот эта штука вам судья.

Мужик бросил пистолет между ними и наставил на обоих ружье. Большое количество выпитого мешало жертвам грамотно рассуждать. Поэтому даже движения рук их были заторможенным и кривыми.

Первым пистолет взял Игорь. Он был бесстрашнее своего кореша и счел, что все происходящее не больше, чем игра.

– Встать! – Скомандовал мужчина.

– Стоим! – Поднимаясь, шутливо ответил ему Петренко.

– Сесть обоим за стол напротив друг друга.

Распоряжение мужчины с ружьем они выполнили с очень большим трудом. Для этого Виктору понадобилось дважды упасть. Только потом они сумели, переглядываясь, подняться на ноги и худо бедно сесть за стол.

– Проверь барабан. Может там пусто.

Витек ухмыльнулся. Игорь послушал его и преломил в руках револьвер. Среди пяти зияющих дыр старенького «Смита и Вессона» болтался один заполненный чем-то медным кружочек. Игорь сразу понял, чего мужчина от них хочет.

– Ну что там? – Спросил Виктор.

– Пуля. Одна. – Ответил ему собутыльник.

Затем преломленный ствол последовал на прежнее место и щелкнул. Только после этого мужчины посмотрели друг на друга серьезными, трезвеющими глазами. В их уме сложился какой-то невероятный пазл. В дом одного из них непонятным образом врывается какой-то незнакомец с ружьем и требует от них играть в русскую рулетку. В качестве мотивации своего поступка он называет опороченную честь дочери. Ну прям каменный век.

– Если пуля пролетит мимо ваших черепов, я сделаю выбор за вас! – Вновь грозно прорычал мужчина, не убирая черных дыр ствола от их голов.

У Игоря начался неконтролируемый тремор рук. Пальцы держали пистолет неуверенно, подсознательно пытаясь освободиться от металлического заточения. Мужчина с усилием

крутанул барабан и с постепенно краснеющими от напряжения глазами подвел ствол пистолета к своему виску. Вмиг протрезвев, он ощутил холодящий душу язык ствола на своей коже. С глаз покатались первые слезы.

– Давай же, не бойся. Что вы, Охотника на Оленей не смотрели что ли? Хорошее кино! – Заулыбался мужик.

Рука задрожала сильнее. Держать пистолет у своей собственной головы мужчине оказалось труднее, чем направлять прицел на других людей. Петренко то пытался зажмурить глаза, то наоборот, всю открыл их навстречу свету. Он неосознанно произнес свое первое за многие годы слово «Господи» и нажал на курок.

Щелк! Металлический лязг ударил обоих по голове. Игорь все же не стал зажмуривать глаза, чем вызвал одобрителный возглас со стороны толстяка.

Безбожник быстро отвел пистолет от себя и с грохотом положил его на стол. Всегда восхищавшийся силой огнестрельного оружия, Игорь впервые с отвращением смотрел на его блестящий от света лампы барабан и капсуль. Ледяные пальцы сжались в кулаки, а глаза округлились. Это не шутка, теперь точно.

– А самому сыграть? – Вспылил Виктор.

– А сам я уже играл когда-то. Бери давай. – Спокойно произнес толстяк.

Виктор иссохшими от алкоголя пальцами потянулся к пистолету и взял его за рукоять. С большим трудом он поднял

револьвер и подвел к своему виску. Напротив сидел совсем уж разревевшийся Игорь. Он отвел взгляд в сторону, дабы не видеть лица своего закадычного друга. Ему стало тошно и противно здесь находиться. Хотелось бежать куда глаза глядят, а не участвовать в этой смертельной игре.

Щелк! Судьба снова пожалела нажимавшего на курок. Это означало, что шансы на позитивный исход у Игоря сократились до 75%, так как из шести попыток было произведено две. Пистолет вновь с грохотом полетел на металлический стол.

– Нежнее, а то стрелять придется не вам, а мне.

Мужчина наблюдал за происходящим с живым садистским интересом. Толстяк заглядывал в глаза своим жертвам, смеялся в ответ на их слезы. Каждую дрожь пропускал через себя и наслаждался странной беспомощностью пришедших в себя от водки мужчин. Сидящим за столом он казался безжалостным и странным маньяком, чья осознанная цель – сыграть как можно больше таких «игр».

Наконец Петренко опять поднял пистолет и направил его к виску. На сей раз он ощущал себя хуже, так как алкоголь чудесным образом выветрился из его сознания. А когда ты убиваешь себя полностью осознавая свое действие, тебе вдвойне страшнее.

Револьвер сдавливал висок до боли. Пульс стучал как сумасшедший, вены вздулись. Петренко дышал как мог, ловил терпкий воздух ртом и совершенно не замечал его гнилого

водочного запаха. Главное – надыхаться на жизнь вперед, а там будь что будет.

На этот раз он зажмурил глаза и нажал на курок, ожидая, что его мозги разлетятся по стене. Однако вместо этого пистолет снова щелкнул и выдал холостой ход.

– Да! – Едва слышимо прошептал Игорь.

В этот раз он не стал бросать пистолет, а вполне аккуратно положил его на ладонь и потянул ее к Виктору.

Взгляд, с которым они смотрели друг на друга, говорил о многом. Закадычные друзья, столь многое повидавшие в своей блатной жизни, вот-вот через выстрел или два расстанутся навеки. А ситуация-то глупая. Не застань их врасплох, они наверняка бы смогли бы дать отпор этому кабану. Но вряд ли кто-то из них сейчас сможет хотя бы подняться на ноги, чтобы пройти до выхода из квартиры.

Витек взял пистолет с ладони друга и навел на себя. Каким-то своим жизненным нутром он почуял, что это его последние секунды жизни. Он не хватал воздух ртом, не смотрел на мир вокруг себя. Витек остался верен себе и налил водку из полупустой бутылки. Рюмка треснула у него в руках, однако не настолько, чтобы разлететься вдребезги.

Ядреная жидкость вошла в пищевод и быстро устремилась к желудку, согревая все изнутри своим жаром. Витек, седеющий и угасающий прямо на глазах, твердо поставил рюмку на стол и подвел пистолет к виску. Без всяких прелюдий и зажмуренных глаз он демонстративно приподнял руку

и нажал на курок.

Комната озарилась короткой вспышкой разрывающейся головы. Кухонный гарнитур, плита и раковина оказались в крови. Однако ошметков не было. Только небольшая дырочка с противоположной стороны головы.

– Неплохо, я думал револьвер помощнее будет. Неплохо... – Осматривая труп, грохнувшийся со стула на пол кухни, сказал толстяк. – Или может твой дружок мозги где обронил. К слову, как говорится в одном популярном нынче фильме: любишь медок, люби и холодок.

Петренко был готов разреветься во весь голос, но сдерживал себя. Перед ним весь в крови лежал его самый близкий человек. Лучший друг, брат, отец. Полностью седому Витьку уже подходило к шестидесяти, тогда как Игорь шел на пятом десятке.

Наконец толстяк закончил осмотр, изъясил пистолет из кочeneющих рук самоубийцы и посмотрел на Игоря.

– Радуйся. Ты выиграл сегодня. Всех бы вас так, насильников, наказывать. Посадить в круг и играть до последнего оставшегося. Вы ведь потом и думать не будете о том, чтобы дальше братья за старое. По церквям да по приютам разбежитесь, как тараканы. Я вас знаю.

Мужчина говорил со злобой в голосе. Ему явно хотелось реализовать свою идею в жизнь. Однако он понимал ее невозможность и утопичность. Ему оставалось только вздыхать да устраивать такой вот самосуд.

– Что... Дальше? – Спросил робко Петренко.

Толстяк уже собирался уходить. Обрез он убрал, понимая, что оставшийся в живых преступник не будет оказывать ему сопротивления.

– А дальше ты домой пойдешь и подумаешь, как дальше жить. А дочку мою он зря сегодня лапал. Этим он себе смертный приговор подписал. – Мужчина посмотрел на револьвер. – Вот и судьба так распорядилась.

Толстяк вышел за входную дверь и оставил ее открытой. Из своих убежищ начали вылезать люди и тихонько заглядывать в открытую настежь дверь. Кто-то из них уже подумывал над тем, чтобы позвонить в полицию, однако пока никто не решался на это. Войти в чужую квартиру и посмотреть, что произошло тоже не хотели или боялись. Все знали, что здесь живет вор-рецидивист. Все знали, что к нему частенько приходит друг и они напиваются вдрызг и могут поругаться. К таким отбросам никто лезть не хочет...

Петренко еле как встал, накинул куртку на голое тело и с жалостным стоном в голосе открыл окно. Благо Витек жил на первом этаже в старинном двухэтажном доме, построенном еще немцами. От окна до земли здесь было не больше полутора метров, чем и воспользовался Петренко. Он спрыгнул с подоконника в холодный сугроб и устало заковылял к себе домой. В темноте и всеобщей пьянке его никто и не заметил.

Идти ему пришлось довольно долго. Он плутал и заби-

вался в себя, замерзая. Мысли путались и сбивались. Игорь до сих пор не понимал, что только что пережил и как вообще вышел победителем. Картина лежащего на холодном грязном полу друга, истекающего кровью, перемежалась со странным ощущением свободы и какого-то очищения. Ему только оставалось дойти до дома, не замерзнув насмерть.

С тех пор многое изменилось. И ситуация тоже.

– Только в моем присутствии. – Отхлебывая чай, убеждал Крылов.

– Хорошо. Я просто хочу посмотреть ему в глаза.

В отдел пришел самоназванный дядя убитого мальчика, Иван Иванович Герасимов.

Выглядел оболтус чуть лучше. Старый бушлат заменила потрепанная, но крепкая куртка цвета хаки и утепленные штаны черного цвета. Борода стала будто длиннее, а нос больше. Сначала это смущало капитана, однако затем он привык и пришел к мысли, что его уже мутит от принятого алкоголя и таблеток.

– А о чем вы вообще хотите с ним поговорить? – Подведя руку к острому подбородку спросил следователь.

Герасимов пришел к нему в кабинет по наводке Бельцера и смотрелся скромно и уныло. Он стоял словно по стойке смирно и занимал вокруг себя очень мало пространства. Немногочисленные свои телодвижения он старался макси-

мально подчеркнуть, дабы ничего не скрылось от глаз следователя. Ответ же на прямой вопрос последовал незамедлительно:

– Хочу спросить его, с каким чувством он убивал моего мальчика. Что ощущал.

Слова показались Крылову достаточно странными для того, чтобы засомневаться в том, стоит ли пускать такого человека к убийце его единственного родственника.

Герасимов ощутил сомнения в движениях следователя и в знак открытости продемонстрировал свои ладони. Мягким, бархатным голосом мужчина продолжил:

– Не беспокойтесь. Я вижу, что немного смутил вас. Хочу уверить, что я хоть и испытываю к такому человеку ненависть, способен ее сдерживать. Понимаете?

– Да. – Сложил руки на груди Крылов. Ответ ему показался более рассудительным, но он все еще думал.

– Простите. – Еще немного смягчил тон Герасимов. – Не могли бы вы ненадолго раскрыть шторы?

Капитан выполнил просьбу и приняв про себя решение, спросил:

– Вы знаете, что у вас странная цель?

– Не хочу с вами спорить, просто у меня есть один аргумент.

– Какой же?

– Мне важно увидеть в нем человека, а не убийцу. Потому что все мы видим в людях только зло.

Крылов вздохнул. Философский подтекст его с трудом, но переубедил. Михаилу все равно было неуютно. К нему в унылый и серый кабинет пришел какой-то неприглядный мужик и вполне интеллигентно просил его об одолжении. Это очень интересный экземпляр, не курящий к тому же.

Этот бомж, откровенно говоря, смог надавить на его болевые точки. Капитан частенько любил сталкивать между собой подозреваемых и родственников его жертв, комбинируя их и наслаждаясь результатом. То есть он менял охотников и жертв местами, но разграничивал их так, чтобы пострадавший от преступления не смог нанести ущерб подозреваемому. В таком случае из-за своего садизма пострадал бы сам капитан.

– Да, вы правы. К тому же я не большой любитель строго следовать правилам. – Следователь схватил ручку со стола и продолжил. – Ну что же, пойдете. Но только на 10 минут, не больше.

– Хорошо.

Герасимов с Крыловым вышли из кабинета и направились в следственный изолятор, располагавшийся по соседству от основного здания. Раньше, в 1960-ые, когда строилось отделение МВД по этому району, хотели все необходимое разместить в одном здании, но в последствии пришлось от этой затеи отказаться из-за сложностей в реализации.

Через левое крыло следователь с посетителем прошли в главный вход изолятора. Обшарпанное белое здание уже

постепенно рассыпалось и гнило. По трубам и крыше звенела апрельская капель, еще большее разрушая старинный камень. Темнеющее пасмурное небо покрывалось желтоватыми красками, изрыгая из себя вязкую изморось.

Войдя в изолятор, мужчины спустились по лестнице на минус первый этаж. Возле входа в длинный коридор сидел тот же дежурный, что и при прошлых посещениях и допросах. Молодой человек угрюмо посмотрел на капитана и молча выдал ключи от камеры.

– Посетителя не записывай. Как он? – Спросил участливо капитан.

– Хорошо. – Односложно ответил дежурный.

Крылов каждый день ходил сюда по несколько раз. После случая с избиением он ни разу больше не трогал Петренко. Отчасти из-за необъяснимой жалости, отчасти из-за того, что боялся переборщить с побоями и убить бедолагу.

Коридор показался бородатому мужчине излишне мрачным и темным. Сырые подвальные помещения ему даже что-то напоминали. Возможно места, где он сам неоднократно бывал и скрывал свои тайны. Зеленые совдеповские стены с холодным бетонным смрадом и потухшими окурками по углам напоминали мужчине некое подобие идеального мира, в минимализме которого он хотел бы жить. Пожалуй, не хватает здесь только зловещей чистоты да скромных, но изящных цветов.

– Вот эта дверь. – Произнес со вздохом Михаил.

Следователь вставил ключи в ржавую металлическую скважину. Дверь со скрипом отворилась. Состояние того, кто сидел за ней, вызывало у Герасимова живой неподдельный интерес.

– Ну что, смотри, к тебе не только мы с Александром Германовичем наведываемся.

Капитан ухмыльнулся, его взору сейчас предстоит интересный эксперимент. И, быть может, он даже сможет получить от него удовольствие, как это уже неоднократно бывало в его практике.

– Садитесь вот сюда и запомните: никакой открытой агрессии. Вам понятно?

Капитан принял грозный вид. Мужчина ему спокойно ответил:

– Да.

Петренко выглядел жалко. Его правый глаз опух, а палец на левой руке онемел. Оставшийся с давней «игры» седой пучок на макушке застенчиво скрывался за прядью еще темных, налитых второй молодостью волос. Даже без распоряжения следователя Игорь знал, как нужно сесть и что делать. Он уже успел привыкнуть к местному режиму.

Крылов же выбрал место подальше на скамейке и удобно уселся на ней. Затем достал из пачки сигарету и сладко закурил, пуская дым в лица участников беседы. Он принял на себя роль арбитра, севшего между противоположными сторонами в конфликте.

– Будешь? – Предложил он бородатому мужчине с неестественно большим носом, заранее зная, что тот не курит.

– Нет. – Достаточно грубо отрезал посетитель.

Профиль лица и голос на миг показался знакомым Игорю. Но вот поведение пришедшего уж точно никак не напоминало ему человека, которого он мог бы знать.

– Это родственник убитого тобой мальчика, Леши Герасимова. Видел его?

– Нет. – Едва слышимо ответил узник.

– Ладно, не буду вам мешать, думаю у посетителя к тебе много вопросов.

Капитан усмехнулся и полностью погрузился в процесс наблюдения за беседой. Хотя что-то в нем сопротивлялось и не позволяло полностью расслабиться. Напряжение чувствовалось в манере курить, в скованности движений. Герасимов прекрасно знал, что капитан ожидает от него подвоха. Такое усиленное внимание мешало ему, однако он начал разговор нейтрально, немного направив тело в сторону стены.

– Очередной допрос? – Спросил угрюмо Петренко.

– Нет, короткий разговор. Хотел на вас посмотреть, никогда не видел маньяка.

Игорь опустил подбородок. Он на миг ощутил себя подопытной крысой, которую посадили сюда в холодную камеру для экспериментов.

– Я могу надеяться на ваше раскаяние? – Задал неожиданный вопрос посетитель.

Петренко молчал, ощущение бессмысленности очередного допроса не покидало его.

– Вы не следователь, зачем вы задаете вопросы?

– Затем, что вы отняли у меня племянника. И пускай я живу на улице, а вы в теплой квартире, именно вы отнимаете у меня последнее, а не я у вас.

– Я не убивал их... Бог не даст соврать. Это сделал злой человек.

– Кто же?

Герасимов напрягся, однако ни одна мышца этого не выдала. Крылов же немного успокоился, наблюдая за относительной миролюбивостью посетителя.

– Я не знаю... Я посещал этот гараж только если нужны были инструменты, а от машины избавился уже больше года назад. И вообще, меня поймали потому, что я пришел туда за спрятанной бутылкой водки... Зачем я это сделал?

У мужчины из подбитого глаза потекли слезы. Вопрос к себе он задал риторический. Герасимов же начал мягко давить.

– Я могу сказать, что вы разозлили бога. Вы ведь верите в него?

– Да, по крестику поняли? – Не мог сдержать слез мужчина. – Господь бог наказал меня за мое желание выпить. И теперь я здесь.

Закованный в наручники редко смотрел на своих мучителей, проводящих очередной бессмысленный допрос.

Но каждый взгляд, направленный в сторону странного посетителя, давал повод для сомнения в себе. Быть может, они действительно знакомы?

– Неужели у вас не осталось ни капельки раскаяния? – Чуть жалостливо спросил Герасимов.

– Я раскаиваюсь только в совершенных грехах и только перед Господом Богом. Он мне судья. Вы вешаете на меня страшные вещи. Я их, клянусь всем своим добром, не совершал.

– А как же доказательства? Мне сказали, что нашли вас на месте преступления.

Мужчина толком не мог говорить, его захлестывали слезы. Из покрасневших глаза они дружным ручьем преодолевали налитые сухие щеки, тонкий подбородок. Несчастный едва мог найти хотя бы один аргумент, оправдавший бы его.

– Зачем... Зачем вы пришли? Я итак измучен, дайте мне отдохнуть. Я ведь уже готов поверить, что я убийца. Зачем вы внушаете мне это...

– Я пришел сюда понять, зачем вам это надо. Теперь я многое понял.

– Что же именно? – Вмешался в разговор Крылов.

– Этот человек убил моего племянника исключительно потому, что он не верит в бога.

– Да как вы смеете! Еретики. – Взревел Петренко, доведенный до отчаяния. – Хватит мучить меня. Я убил! Я. Довольны?

Следователь докурил сигарету и ошеломленный тем, как один единственный неаккуратный вопрос довел человека до исступления, он сказал:

– Все, хватит. Зря я согласился вас сюда привести.

Герасимов поднялся со стула и, подождав пока капитан откроет дверь, вышел вместе с ним из камеры.

– Не ной, помолись лучше. Может легче станет. – Бросил Крылов, закрывая за собой грохочущую дверь.

Герасимов улыбнулся. Он достиг чего хотел. Получил желаемое и Михаил. И хотя он несколько разозлился на странного посетителя, изнутри он почувствовал его странную силу. Силу, которая заставила Петренко признаться в содеянном уже через минуту после того, как он рьяно отрицал вину. Он сломал его всего лишь одним словесным заявлением. Осталось только факт признания зафиксировать на бумаге и дело в шляпе.

«СЛОМ»

Игорь Петренко подписывал признательные показания под диктовку радостного и одновременно очень нервно возбужденного Крылова. Следователь ходил по комнате, задумчиво глядел перед собой и все время рассматривал ссохшиеся от пьянок руки. Почти неделю он бился за то, чтобы подозреваемый наконец заговорил и подписал столь нужные капитану признательные показания. Еще бы, ведь они избавляли его большого геморроя с подробным и дотошным расследованием и переключали на иные задачи.

Комната состояла из стен темно-синего цвета, с потолка свисала мощная, но потрепанная временем лампа. Свет падал ровно на середину стола. Казалось, словно это место буквально придумано для покаяний и тайных признаний. На самом столе царил пустота, только наполовину испитый стакан воды да синяя папочка прямо перед следователем. Минимализм во всей красе.

В комнате допросов в следственном отделе помимо Игоря и следователя находился также и Александр Германович. Психолог курил очень крепкий «Беломор» и наблюдал за происходящим весьма отстраненно. Он делал выводы для себя и даже иногда что-то записывал в небольшой истрепанный серый блокнотик. Судя по отстраненному взгляду психолога, эти записи скорее всего не относились к делу.

К большому для следователей сожалению, их ждала серьезная загвоздка. Убийство первой девочки Петренко ни за что не хотел брать на себя. И если в случае с Зиной и Лешей все более менее прояснилось, то убийство Ани Романовой он отрицал и говорил, что вообще не знает, кто она. Даже сам капитан засомневался в том, мог ли это сделать один человек или все же двое, где один копировал стиль убийства другого. Такое умозаключение тоже оставляло огромное количество всевозможных вопросов. Капитану совсем не хотелось брать за усложнившееся дело ответственность. Спрос будет в первую очередь с него.

Что только не перепробовал Михаил. Он доставал фотографию мертвой Ани, убитой в лесу, показывал ее Игорю, давил, прикрикивал, угрожал. Одним словом, делал все, лишь бы его «клиент» раскрылся, взял на себя ответственность и за эту смерть. Сыщик с огромным трудом достигал хоть каких-то уступок со стороны несговорчивого преступника. За пять лет бумажной работы следователь совершенно потерял всякий профессионализм. Приходилось компенсировать грубой силой.

В целом своих целей Крылов все же достиг. Ныне он уверенно шагал по сырой тихой комнате и перечитывал лист с признательными показаниями:

– Я, Петренко Игорь Павлович, 1959 года рождения, признаюсь в двойном убийстве 8-летней Зинаиды Карловны Погодиной и 8-летнего Алексея Дмитриевича Герасимова.

Убийство первой жертвы совершил с помощью многократных изнасилований, нанесений тяжких телесных повреждений путем ударов тупыми и острыми предметами. Убийство второй жертвы совершил путем нанесения многочисленных несовместимых с жизнью ножевых ран. Признаюсь в содеянном и прошу о справедливом судопроизводстве. Точка.

Чуть поодаль от основного текста мужчина без указания следователя написал: «Готов ответить на все ваши вопросы».

Капитан взглянул на приложение и немало удивился, поведя бровями. Он уже успел привыкнуть к постоянному молчанию мужчины. На любое давление со стороны Петренко всегда начинал либо молиться, либо твердил как мантру: «я не убивал, я не виноват». Даже более точечное воздействие от Бельцера не помогало. Преступник раскрывался чуть больше, но все равно не давал необходимой для обвинения информации. Мужчина выглядел до сего момента наглухо запечатанной консервной банкой, от которой не получится найти нужный нож.

И сегодня он все же нашелся.

– Это на тебя дядя убитого так повлиял? – Спросил Михаил, горделиво думая, что идея очной ставки с родственником сработала как нельзя удачно.

Мужчина постоянно вздыхал и поправлял края кофты. Ему было очень жарко, хотелось пить. Петренко водили мыть позавчера и постирали его грязную одежду. Из-за чрезмерного стресса и духоты от него изрядно пахло потом. И без

того печальный взгляд стал совсем поникшим. Лицо и тело постепенно приходили в себя после регулярных избиений. Затягивались раны от ударов ногами, кровоподтеки исчезали. Опухшие губы и рот постепенно приобретали человеческий вид. Но при взгляде на этого человека ни на секунду не покидало ощущение, будто он несколько не рад тому, что его перестали бить и насиловать бесконечными допросами. Совсем даже наоборот, один только его горький взгляд показывал, насколько мужчина хочет освободиться от оков глухих толстых стен, в которых пребывает. Весьма символично, что по его единственной просьбе к нему в камеру принесли «Зеленую милю» Стивена Кинга.

Капитан медленно кружился вокруг уже готовой полностью сдаться жертвы. Он сейчас походил на ворона, ждущего скорой смерти раненого, но по-прежнему сильного зверя. А пока идут сладострастные минуты ожидания, коварный падальщик думает над тем, с чего начнет свою трапезу.

И вот Крылов придумал:

– Ты действительно готов ответить на все интересующие меня вопросы?

– Да. – Тихо, но твердо ответил Петренко.

– Хорошо, тогда слушай. Вопрос первый: как ты выбирал жертв?

Игорь приподнял на него глаза и на несколько мгновений призадумался. По-видимому, он счел бессмысленным игнорирование вопроса. В конце концов пятью минутами ранее

он уже подписал все, что только могло запрятать его в тюрьму до конца жизни, а следовательно, отпираться нет смысла.

Немного собравшись с мыслями он ответил:

– Мне всегда нравились девочки пухлого телосложения, я мечтал с ними... Господи прости. – Произнес мужчина дрожащим голосом. – Всегда хотел развлечься с ними.

– А мальчик случайно там оказался, в квартире?

– Да. – Уже увереннее ответил Петренко. – Я все делал внезапно. Не ожидал, что ребенок будет дома без родителей, да еще и с другом.

Крылов поморщился. У него возникли сомнения в правдивости слов преступника. Как известно из следствия, по всем фактам и замыслу злодеяние планировалось как минимум за пару дней. Не исключал Михаил, что даже и за гораздо большее время.

– То есть если бы дома находились родители, ты бы и их убил?

– Думаю да. Они бы помешали.

– Почему именно она и именно в том месте? Как ты дошел до того, чтобы разбить окно?

Крылов намеренно соврал о выбитом стекле. Он прекрасно помнил, окно убийце открыли. Данный факт говорил о хоть каком-то мало-мальски словесном контакте между убийцей и жертвами. Капитан еще раз хотел проверить Петренко, насколько нагло тот лжет или все же пытается говорить правду. Игорь же все время теребил пальцами, а его

взгляд постепенно опускался на край стола. Он держал себя в руках, но это давалось ему немалым с трудом.

– Я не разбивал его. Они мне сами открыли. Я лишь проезжал мимо на своей машине и увидел в окне пухленькую девочку. – Мужчина сделал паузу и медленно выпил стакан воды, стоявший на столе. – Затем я затормозил, сдал назад и остановился напротив заднего окна квартиры. Хлынуло все, очень резко захотелось плоти. Я вылез из машины, достал из бардачка нож, нащупал немного конфет на заднем сиденье и вышел из машины.

– Почему через окно? Настолько крышу снесло?

– Да. Не хотелось через парадный.

– Дальше что? – Наглее продолжил сыщик, хмуро сверля его взглядом.

Мужчина постепенно терял над собой контроль. Стресс брал над ним верх. Это отражалось в постоянных подмигиваниях, подергиваниях, сменах поз и в желании как можно чаще пить огромными глотками.

– Воду налить? – Участливо спросил Александр Германович, более снисходительно относившийся к ситуации.

Сидевший в кандалах мужчина едва заметно кивнул, этот жест опытный психолог заметил. Бельцер не спеша подошел к мужчине, взял железную кружку и удалился, оставив капитана одного наедине со своей жертвой.

После ухода Александра Германовича Игорь сжался еще сильнее, седеющие волосы стали казаться более серебристы-

ми, а капли пота будто укрупнились и стали более активно стекать с смуглого жалкого лица.

– Дальше я постучал в окно и мне открыл мальчик. Я этого совсем не ожидал. Потом подошла и девочка. Я им обоим сказал, что у меня есть конфеты и я отдам их им после того, как они помогут мне.

– Помогут в чем? – Терял вновь над собой контроль Крылов.

– Я не помню. В этот момент они мне просто дали руку, чтобы я залез и вот тогда я ткнул парня ножом.

– Куда ты его ударил?

– В живот. Точное место не помню.

У капитана загорелись глаза, он испепелял ими все окружающее пространство и заполнял его огнем, вырванным из преисподней.

– Сколько ударов нанес и что сделал с девочкой?

– Порядка двадцати ударов, насколько я помню, может чуть больше, может меньше. Девочку с собой взял.

– Она что, по-твоему, сама пошла? – Повисил тон следователь.

Петренко затрясся, в его слова произвольно вклинивалась молитва и извинения перед Господом Богом. И сторонний человек мог сказать, что придумывать на ходу страшные подробности преступлений, которых он не совершал, для него становилось адской пыткой.

– Нет... – Скрипя зубами произнес подозреваемый. – Я

оглушил ее ударом в голову и понес за собой.

– Еще в квартире кто-нибудь был?

– Не было, я не проверял. Но мне это и не было важно, я в срочном порядке понес ребенка в машину, развернулся назад и тут же уехал.

– Там еще был кто-то. Вспоминай. – Привстал со стула Крылов.

– Я не знаю, не помню, товарищ капитан. Я все сделал быстро и ушел. Мне уже тогда страшно стало.

В этот момент в комнату со кружкой воды вернулся Бельцер и поставил ее прямо перед трясущимся мужчиной. Игорь тут же мертвой хваткой схватился за плотный алюминий. Крылов стоял, облокотившись на стол. Петренко вздохнул, пока ему задавали очередной вопрос:

– Что сделал с трупом убитого мальчика?

– Оставил в комнате. – Нерешительно ответил мужчина. – Он меня не интересовал.

– А это что тогда?

Следователь небрежным, гневным движением раскрыл синюю папку перед собой и достал три фотографии, отпечатанные на листках формата А4.

– Это что? Неужели ты не помнишь, как прибил Лешу к стене гвоздями? Кстати, откуда ты их взял, если никаких следов гвоздей и даже молотка ни в комнате, ни в квартире мы не нашли? С собой привез? То есть ты все-таки готовился, а нам здесь плетешь про внезапность, чтобы над тобой

судья поплакал и пожалел. Срок скостить себе хочешь? Вместо пожизненного получить двадцать пять лет??? Сомневаюсь, что ты там и пять лет проживешь.

Крылов стучал кулаками по столу, повышал голос на мужчину и использовал все приемы давления, которым он научился за все время работы следователем. Он давил на Петренко с такой изошренностью и напором, что любой гневный родитель мог бы позавидовать. Он даже не думал останавливаться, а ведь это самое страшное:

– А машина где? – Громко заговорил Михаил. – Мы ее не нашли. Какого цвета она была? А?

– Серого. – Уже в слезах отвечал Игорь.

– Да? Опять лжешь, подонок! Белая она, Б-Е-Л-А-Я! сосед с этажа выше увидел. И нифига ты не сдавал назад, там следы от автомобиля только в одну сторону идут!

Бельцер, стоявший в сторонке и не мешавший до текущего момента, сам изрядно занервничал. Такие методы допроса ему не по душе. Прямо перед ним человека выворачивали на изнанку, психологически насиловали и избивали. Какое бы суровое преступление не совершил этот мужчина, он так или иначе тоже человек и заслуживает хотя бы нормального к себе обращения. Как ни странно, а у подозреваемых и убийц тоже есть права.

Александр Германович, правда, решил пока не вмешиваться. До критической точки еще не дошло, а это значит, есть шанс сломать Петренко, не доходя до полноценного

нервного срыва.

Тем временем Крылов замолк. Все, о чем он хотел сказать, он высказал и счел, что жалкий мелкий лишенец прямо перед ним все понял и все осознал. Теперь дело техники – ждать правды от преступника. Все это время он лгал, нагло лгал, надеясь уйти от более сурового наказания. Деваться ему некуда – он скажет правду.

Наконец Петренко поднял голову и красный от слез нашел в себе силы только на одно:

– Будьте вы прокляты! И ты, жалкий поганый мент. И ты, мозгоправ.

Багровое лицо мужчины не то с гневом, не то с раскаянием погружалось в бездну. Игорь впал в истерику. Из рта вытекали желтоватые слюни, сквозь уставшие плакать глаза просачивались новые слезы. Да, он сорвался на своих мучителей, он проклял их. Проклял, и тут же захотел извиниться. Печально, ведь за такое извиняться не имеет смысла. Господь бог уже предан.

Бельцер на словах Игоря постарался придвинуться ближе к стене. Подозрения в невиновности этого человека почти полностью оформились в уверенность. Печаль от того, как он своими собственными руками убивает человека поразила его. Пожалуй, с такими испытаниями в жизни он давненько не сталкивался. Нужно вновь привыкать. Или, быть может попробовать спасти бедолагу?

На несколько секунд повисло молчание. Капитан, уже

приготовившись слушать, достал сигарету. Но заложившая уши тишина продолжалась недолго, ее прервал сам Михаил:

– У тебя есть полминуты. Дальше от тебя в суде камня на камня не останется.

– Пускай, я все равно ничего не скажу. Все есть на бумаге.

Следователь приготовился уже взорваться, как его остановил Бельцер немного окрепшим после курения голосом:

– Стой. Дай ему еще сутки подумать. Не дело постоянно его бить, так он не сломается. – Александр Германович окинул взглядом Игоря. – А вот ты можешь сломаться. Поверь мне. Дай еще немного времени.

Капитана немного успокоили слова психолога. В конце концов, как бы он сам не доверял психологам, а в данном случае он прав. Нервами вопрос не решить. Но вот с другим суждением он категорически не согласился:

– Не могу дать время, сколько можно?

– Ровно столько, сколько и нужно. Ты ведь должен понимать. Он уже почти перестал чего-либо бояться, пока проходил через всю свою жизнь, полную страданий и лишений. Давай дадим ему последнюю возможность исправиться, хорошо?

Александр Германович излучал из себя странную энергию, порождавшую мощную уверенность в каждом сказанном слове. Ему неосознанно хотелось доверять и доверяться. Взгляд сидящего, но крепкого мужчины, имеющего в своей жизни плотную, качественную опору действительно внушал

веру и уважение. Благодаря этому качеству, Александр Германович обрел популярность не только как хороший коллега и признанный мастер своего дела, но и просто как отличный семьянин и человек, готовый помочь в любую минуту. Если хоть кто-то не верил в его профессиональные способности, то уж точно никому в голову не приходило сомневаться в его человеческих качествах.

Подчинился этой необычной энергии и капитан. Он опустил поднятые в порыве гнева руки и смягчил взгляд. Всего шесть дней он знал Александра Германовича. Это очень немного, но ему хватило, чтобы проникнуться странной силой, исходящей, казалось бы, из самой его глубины. В результате, спустя всего пару минут, разъяренный сыщик сумел превратиться в весьма сдержанного и здравомыслящего мужчину.

Крылов вышел из тени, которую перед ним образовал Александр Германович и рассудительно, но грозно произнес:

– Организуем для тебя следственный эксперимент, расскажешь и покажешь нам, как все было. Понял?

Не сразу, но Петренко ответил:

– Да.

Капитан глубоко вздохнул. По-видимому, ему поскорее хотелось попасть в номер, где он сможет вновь напиться и отвлечься от грустной и противной реальности. Он обратился к Бельцеру с просьбой, больше похожей на приказ:

– Позови конвойного.

Александр Германович открыл дверь и жестом подозвал стоявшего снаружи конвоира. В помещение вошел плотный высокий мужчина и словно робот, выпалил:

– Встать, руки за спину.

Он достал наручники и защелкнул их на запястьях Игоря. Мужчина постепенно успокоился и перестал хоть как-то реагировать на происходящее. Он вернулся в свое привычное состояние мрачной задумчивости и вновь молился Богу. Но и ему самому, и психологу казалось, будто в нем случился очень сильный надлом. И пока оставалось непонятно, хорошо ли это или плохо.

Собирался уже уходить и Михаил, но Александр Германович остановил его каверзным вопросом:

– Не хочешь ли ты разобраться с первым убийством?

Следователь остановился и повернулся в Бельцеру:

– Хочу, именно поэтому завтра я доломаю его.

– Ты посмотри на него, он же не сознается. Он и здесь-то лишь со скрипом все подписал, а на то, чтобы доказать его причастность к первой жертве уйдут недели, месяцы. Ты готов на это?

Крылов не задумываясь ответил:

– Этого не будет, он все скажет завтра. И я очень надеюсь, что сейчас он нам врет. А ты как думаешь?

Психолог обошел стол и сел на небольшой металлический стул, на котором только что находился Петренко. Доктор по-

пробовал поместить себя на его место, понять логику действий и поведение. Иными словами – почувствовать себя в его шкуре.

– Садись, нам надо поговорить. – Позвал поравняться с ним Бельцер. – Пока не сядешь, разговора у нас точно не выйдет.

– Хочешь устроить психотерапию? Она мне не нужна, со мной все нормально.

– Называй как хочешь, но в первую очередь сейчас я очень прошу тебя сесть.

Психолог учтиво показал на стул рукой и улыбнулся. Этот очевидный манипулятивный жест подействовал на Михаила и тот, глубоко вздыхая, сел. Он расположился так, что его ноги оказались направлены как можно ближе к выходной двери. Туда же он повернул свой корпус. Затем несерьезным, ребяческим тоном кинул:

– Валяй.

Психолог смотрел ему в глаза, пытаясь найти там человеческие черты. Ему это даже удалось сделать. Он отыскал в себе внутреннюю точку опоры и потихоньку начал:

– Ты ассоциируешь себя с ним, с маньяком? Только не отводи взгляд и отвечай честно.

– Нет. – Чуть помотав головой ответил Крылов. Его рука потянулась к подбородку, дабы в очередной раз почесать его.

– Почему? – Тоже почесал подбородок Бельцер.

– Потому что мы по разные стороны баррикад. Он там,

а я здесь. Если бы я ассоциировал себя с ним, не стал бы его бить, и уже тем более не сидел бы напротив него, ведя допрос с пристрастием.

– А может ты открыл в себе сочувствие к убийцам и педофилам только во время работы в органах. Покопайся в себе, отыщи что-нибудь похожее на сочувствие. Это у многих бывает. Разновидность профессиональной деформации.

Фраза психолога прозвучала весьма нагло. Он рисковал впасть в немилость к коллеге. Дальнейшего разговора бы просто не получилось. На счастье Бельцера, его успокоительный эффект сыграл свою роль и капитан мерно ответил:

– Я не сочувствую, я наказываю и помогаю им самим ощутить себя преступниками, раскаяться в грехах и понять неправильность выбранной ими дороги.

– Разве это не сочувствие?

– Нет, это слом.

Сыщик потянулся за полупустым стаканом, который находился у края стола ближе к Александру Германовичу. Михаил все еще чувствовал себя некомфортно, ему хотелось покинуть помещение и окончить разговор.

Время подбиралось к восьми часам. Значит, сейчас самое время заехать в алкогольный магазин и в очередной раз принять в себя сладкую дозу медленного яда. Михаил не хотел думать или размышлять относительно своей очевидной алкогольной зависимости. Он просто желал выпить, напиться вдрызг и вновь уйти от всех проблем и трудностей. Занятие

саморазрушением так льстило ему, губило здоровье, нервы. Кажется, и работу он считал не более чем сладким наркотиком. Его он ненавидел, но активно пользовался.

– Скажи мне о своем первом серьезном расследовании. Мне хотелось бы услышать, с чего ты начинал. – Бельцер облокотился на стол, сократив расстояние между собой и капитаном.

– Ммм... Кажется понял к чему ты клонишь. Чтобы понять, кто я и как мне помочь, нужно обратиться в самое начало?

– Именно так.

– Это очень тяжелая история, после нее я вообще хотел тут же уволиться.

Александр Германович, дабы не сбивать с мысли коллегу, тактично промолчал, нагнувшись ближе. Он внимательно слушал каждый шорох и наблюдал за всеми движениями капитана.

Михаил вздохнул и мечтательно задрал голову вверх, повел рассказ.

– Ну, слушай байку старика. То у нас был 1988 год. Я тогда только стажировку прошел, мне старшего сержанта дали. Год с вершком работал. После нескольких мелких дел с кражами захотелось чего-то серьезного. А там как раз один мужичек местный, информатор наш по наркоманам, сказал, что мужик один жену свою насилует и обирает. Ну я подумал, дело хорошее, но по молодости хотелось рыбы покруп-

нее. Что ж, я ее получил... – Крылов вставил сигарету в зубы, поджог и сладостно закурил, выпуская дым в потолок. – Через несколько дней бабу эту мертвой нашли. Деньги, драгоценности, 17 литров водки и еще много чего у нее украли. Ну я заявление принял, сам подумал, что ее муж чикнул, арестовал его за очередной попойкой. Сам долго он объяснить не мог, откуда деньги на праздник взялись, он же не работал.

Бельцер вслушивался и подогревал интерес уточняющими вопросами:

– И откуда деньги?

– А тема такая была, деньги у него действительно от жены оказались, но украл и убил все равно не он.

– И кто же?

– Там все сложнее оказалось. У бабу этой сын от первого брака. Ему лет шестнадцать что ли было. Мы его тоже по делу допрашивали. Сам учился в техникуме на строителя. Выбил в общем. Матери иногда помогал деньгами или еще чем, хоть сам в общежитии жил. А потом мы смотрим, а мужик этот, отпущенный под подписку, с собой покончил!

Александр Германович раскрыл глаза, история набирала обороты и, хотя он уже понимал, кто убийца, все равно жаждал услышать все от Михаила.

– По итогу мы посмотрели там, парень этот в моменты смертей матери и отчима отсутствовал в общежитии, уходил куда-то. Соседи по комнате говорили, будто он с собой веревку

брал, когда мужик повесился. В общем, сломал я его тогда и он дал признательные по обоим. Дело передали в суд и через три месяца парня на девятнадцать лет закрыли. – Следователь докурил сигарету и вдумчивым, отчасти грустным голосом закончил рассказ. – Я тогда бухал недели три, впервые так долго. Мне парень показался таким симпатичным, перспективным. Я его жалел сильно, проникся рассказом о матери. Говорил, она его в детстве била и насиловала чем попало. Плохо мне тогда стало. Думал, что не хочу работать в такой грязи. Зарубил себе на носу, что больше никогда ни к кому проникаться не буду... Особенно к тем, кого ловлю.

Оба немного помолчали и Бельцер, выждав момент, задал вопрос:

– И ты следуешь этому правилу?

Капитан потными руками достал очередную сигарету и поднес ее ко рту.

– Нет. Он мне тогда еще сказал одну фразу перед тем, как я его дело в суд передал. А сказал он вот что: «У меня нет эмоций и чувств, я психопат. А психопаты все лишены совести, именно поэтому они и по-настоящему свободны». – Капитан вздохнул и сделал небольшую паузу. – Я ее дословно запомнил.

– Настоящая свобода, это свобода от совести. – Переиначил фразу Бельцер.

– В последние пять лет я и вовсе не живу. Так, глупая и бессмысленная работа, за которую мне неплохо платят

и все. Глубоко внутри хотелось вернуться к оперативной работе. Но сейчас вижу, что мне тяжело так. Представлял себе это иначе.

Мужчины смотрели друг на друга и не знали, как повести себя. Психолог закрыл на несколько секунд глаза, поморгал ими и участливо из себя выдавил:

– Ты знаешь, не мог Петренко убить девчонку с парнем. Он физически не способен. Поэтому не врет.

Переключение темы не слишком впечатлило капитана и он, внимательно взглянув на свои слегка порванные наручные часы, снял со стула пальто и поспешно удалился из комнаты допроса. Напоследок он только бросил небрежное: «до завтра».

Им обоим нужно будет многое обдумать, пока есть на это время.

«Вершки и Корешки»

Лампочка в камере горела очень тусклым и невзрачным светом, то угасая, то вновь набирая яркость. Измученный Петренко смотрел на нее и думал о том, где бы он сейчас хотел оказаться. На ум приходил сладкий хруст ржаной булочки с вареньем, которое ему в далеком детстве готовила бабушка, а затем переняла и мама. Да, как бы он хотел сейчас в глухую деревеньку в Псковской области, где жила его любимая бабуля и готовила вкуснейшие в мире булочки.

Сейчас та деревенька заброшена, а дом его детства сторел дотла. Но он все равно возвращается в то далекое прошлое, где льется солнечный свет и покачиваются на ветру доски, из которых маленький Игорь когда-то мастерил себе пистолеты и даже как-то состругал кораблик.

Он все время мысленно благодарил мать за хлеб, за соль и за заботу, с которой она поставила его на ноги. Еще до того, как Игорь свернул на кривую дорожку, его набожная мать, Ольга Степановна, умерла от разрыва сердца. Мужчина вспоминал ее последние слова: «Верь, пока можешь». Смысл фразы он не мог уловить очень долгое время. Только находясь за стальной решеткой мужчина понимал, что жизнь действительно стоит того, чтобы верить. И очень жаль, что он ее так бездарно упустил.

– Мама, я хочу к тебе. Возьми меня. – Еле слышимо сто-

нал Петренко.

Слезы не лились, истерик не оставалось в запасе. Выпадал только горький осадок от потраченных зазря лет. Мужчина не понимал, зачем ему дана жизнь. Жизнь, в которой он даже не нажил семьи. Если не брать в расчет кратковременный брак с пожилой распутницей Верой, от которой у него где-то шляется сын. А ведь Игорь так и не мог вспомнить, как он в очередном пьяном угаре его назвал.

Петренко продолжал смотреть на лампочку, надменно застывшую над его головой. Сбоку за железной дверью в коридоре едва слышимым эхом доносились тяжелые шаги. А с другой стороны в утренней заре рождался рассвет. Петренко лишь одним глазком наблюдал за едва льющимся ранним светом. Лучик был настолько мал, что даже лицо мужчины освещал едва ли. Лампочка тоже гасла. Ее отключали, когда приходило утро. И вот оно наступило, солнечное, ясное.

Петренко неспешно встал и подошел в небольшому оконцу, за которым даже обычно мрачный задний двор озарялся нежными лучами солнца. На краешке небольшого подоконника лежал осколок стекла. Очень маленький, он без труда помещался в ладонь и едва мог бы быть использован как оружие. К тому же туповатые углы у кусочка побелевшего от извести стекла едва могли даже поцарапать. По-видимому, осколок лежал здесь довольно давно и его никто так и не заметил и не воспользовался им. На несколько минут

Игоря отвлекли мысли о том, как осколок вообще сюда попал, если стекло в оконце выглядело полностью целым. Вопрос без ответа...

Мужчина бедром зацепил острый краешек стола и несколько сморщился от боли. Затем сел обратно на холодный пол и стал внимательно разглядывать находку. Стеклашка не могла посмотреть на него, так как потеряла свою способность показывать человеку его потайные мысли. Она была способна только жалобно принимать на себя боль и кровь человека и надеяться на то, что смерть его не будет долгой.

Но до такого состояния ее нужно еще довести. И Игорь принялся за дело. Он повернулся к стене и медленными, но четкими движениями стал подтачивать край стеклянного обрубка. Материал очень противно скрипел, заставлял мужчину морщиться от каждого движения по стене. Стекло точилося очень медленно, снимая с безжизненного бетона его зеленоватую кожу и оставляя разводы. Петренко не хотел, чтобы их заметили, но если все пройдет так, как он задумал, то их обнаружат вечером. А пока он продолжал трудиться в поте лица.

После получаса непрерывных усилий мужчине удалось довести материал до нужного состояния. Поверхность стекла без труда могла покромсать любой материал, включая человеческую кожу. Игорь не раз задумывался над тем, стоит ли ему вообще это делать. А вдруг у него ничего не вый-

дет и его поймают? Мужчина старательно отгонял от себя дрянные мысли и с молитвой на устах продолжал доводить стекло до идеально острого состояния.

Петренко изрезал большой участок стены и полностью лишил ее краски. Затем он еще некоторое время подтачивал стекляшку об металлическую ножку стола и доводил свою работу до совершенства. И наконец, когда он закончил, за ним пришли.

Камера распахнулась и вместе с ворвавшимся сюда сырым промозглым воздухом в помещение вошли Бельцер с Крыловым. Игоря едва не застали врасплох за его работой, однако он успел спрятать стекло за шиворот куртки. Никто ничего не заметил.

– Ехать пора, все готово. – Сказал мерно следователь, стоя, раскинув ноги шире уровня плеч.

По правую руку от капитана стоял Александр Германович и мерил происходящее дотошным взглядом. Если бы не тень от стола, он бы наверняка заметил большие схождения краски на стене и крошку бетона на полу. Но к счастью для Игоря, подробности его деятельности уплыли от требовательных глаз сотрудников милиции.

– Воды принести? – Спросил Бельцер, разглядывая пустой стакан, оставленный задержанному на ночь.

– Если можно. – Ответил ему Петренко.

Психолог ненадолго удалился, пока пришедший вместе со следователем конвоир надевал наручники на и без того

опухшие запястья мужчины.

Вернулся Александр Германович с водой и отдал стакан Игорю, затем мужчину вывели из камеры и направили по коридору, потом повели по лестнице вверх. Снаружи изолятора ждали два служебных УАЗика и трое сотрудников милиции, которыми руководил Глебов. Все вместе они разместились в машинах и поехали в сторону злополучного дома.

Всю дорогу Игорь думал об осколке стекла за шиворотом. Наверное он медленно скатывается вниз по его спине и рискует вот-вот выпасть на сиденье автомобиля. Или мужчине так всего лишь казалось. Усложняло ситуацию и то, что машину сильно качало из стороны в сторону, виной чему служили раздолбанные в хлам дороги, обилие перекрестков и бесконечно длинные лужи. Петренко сильно тошнило от таких американских горок и он держался очень неважно.

Взошедшее солнце спешно скрывалось за приплывшими с запада тучами. Город вновь погружался в привычный для себя сумрак, наполненный безликими громоздкими облаками. Они слоились друг на друга и не оставляли ни единого просвета. Поднимался также и сопутствующий ветер. Судя по всему, небо готовилось к дождю.

Петренко сидел в наручниках меж двух габаритных оперативников и все время старался рассмотреть небесный свод, покрывающийся тоннами облаков. Настроение его также становилось пасмурнее, в душе лил дождь, заполняя своей пустотой разум. Мысли о побеге и самоубийстве сливались

друг с другом, они образовали странное смешение, в котором мужчина даже получал некое удовлетворение и ощущал себя в относительном комфорте.

Наконец УАЗ заехал во двор того самого дома, в котором нашли распятого мальчика. Игорю приказали выйти из машины и сняли с него наручники. Но никто не спешил расслабляться. Конвойные, сидевшие рядом с ним, взвели автоматы и даже сделали вид, будто сняли их с предохранителя. Любая попытка к бегству в данных условиях виделась самоубийственной. Это понимал и сам подозреваемый.

Дом перед собой он видел впервые. За все годы жизни в Петрозаводске мужчина ни разу не забредал сюда. Друзей или знакомых в этом районе у него не было. Мужчина принял озабоченный и растерянный вид. Видимо ему придется лгать как можно правдоподобнее, иначе ему не поверят. Но как быть, если он вновь расскажет все совсем не так, как хочет от него следователь.

– Пойдем! – Громко огласил капитан и повел всех присутствующих за дом.

Вместе с ним помимо Бельцера, конвоя и подозреваемого шел Глебов, который записывал все происходящее на камеру. Следом за ними топал черными тяжелыми ботинками Степан Викторович. Он вел протокол происходящего и дежурно фиксировал все формальности. Почти все старались делать по процедуре. Улавливалось желание Крылова подтвердить, зафиксировать свою победу на камеру и в прото-

кол следственного эксперимента. Наверняка таким замысловатым образом он хотел выслужиться и показать питерскому начальству, что его можно и нужно повысить до майора и возможно даже наградить за поимку особо опасного преступника.

Как только вся группа обошла дом, то оказалась на полностью освободившейся от снега грунтовой разбитой дороге. Между панельным зданием и дорогой находился небольшой клочок земли, тоже оттаявшей. Именно по нему, предположительно, подошел к окну убийца.

Капитан встал прямо напротив стекольной рамы и под гул начавшего моросить дождя громко произнес:

– Обратите внимание. На этом месте, где я сейчас стою, убийца оставил свою машину. Белую Волгу с номером С282ВУ с номерами десятого региона. Дальше он вышел из автомобиля и по талому снегу пошел к окну жертвы, предварительно взяв с собой конфеты, гвозди с молотком и нож. Товарищ Петренко, покажите, как вы это сделали.

Игорь робкими шагами пошел вперед и, по возможности обходя лужи, приблизился к окну.

– Я шел вот так, затем постучал в окно.

– Стучите. Сколько постукиваний вы сделали?

– Три. – Сказал Игорь и трижды потревожил стекло.

Окно открылось и из него высунулся еще один сотрудник милиции. Выглядело это довольно комично, однако понимая серьезность происходящего, никто смеяться не стал.

– Продолжайте, что вы сказали детям?

– Я сказал им, что дам конфет, если они помогут мне.

– Помогут в чем?

– Помогут... Найти пропавшую собачку.

– Это новые показания, вы их раньше не заявляли.

Следователь выглядел очень официозно. По его лицу легко читалось раздражение от достаточно большого количества людей, он их не очень любил. Зато хотел почувствовать свою победу, пропустить ее через себя. Ради этого можно и потерпеть.

Тем временем Петренко потянулся почесать шею, заодно поправив осколок стекла, царапающий его лопатку. Чуть нервничая, он продолжил:

– Я вспомнил эту подробность сегодня. Мне был неважен повод, по которому я смогу попросить детей залезть к ним. Мне главное попасть в квартиру либо же выманить их.

В дальнейшем Петренко на ходу добавлял все больше и больше странных, но одновременно очень гнетущих подробностей произошедшего. Иногда действительно казалось, будто он придумывает их на ходу, что, впрочем, совсем недалеко от правды.

Игорь как в бреду рассказывал, как он распял мальчика и нанес ему несколько десятков ударов ножом. Когда Крылов спросил, за что Петренко убил собаку, он на ходу ответил, что та пыталась защитить от него детей и ему пришлось избавиться от нее.

Безусловно, его слова не могли не вызывать сомнений, особенно на контрасте с его речью на вчерашнем допросе после написания признательных показаний. Процесс уже запущен и его не получится повернуть вспять, как бы нельзя пытаться это сделать. Как в бреду, Петренко рассказывал все новые и новые подробности совершенного преступления. На ходу он выдумывал все самые интересные вещи, которые только могло придумать его воображение. Ему больше нечего терять, это понимали все. И в первую очередь – Крылов.

После тщательного анализа произошедшего в квартире у Погодиных, группа поехала к гаражу Петренко, дабы выпытать у хозяина подробности истязания маленькой девочки, в финале подвешенной краном.

По дороге к собственному гаражу Игорь уже выглядел так, словно его ведут на смерть. Язык заплетался, не слушался. Его тошнило, хотелось как можно скорее отмучиться и вернуться в относительно уютную и удобную камеру.

Мужчина сразу узнал свой гараж. На месте уже стоял Глебов с камерой, Степан Викторович с листами бумаги и еще несколько сотрудников милиции с автоматами наперевес. Видимо, и здесь совершить побег ему вряд ли удастся.

– Выходи. – Приказал Игорю конвоир.

У мужчины подкашивались ноги, в глазах темнело. К горлу подкатил ком. Разговаривать стало еще труднее. Он вспоминал, как его задержал Глебов на этом месте. Тогда он про-

сто пришел по требованию сотрудника правоохранительных органов. Заодно как раз хотел зайти за спрятанной в гараже бутылкой водки. Глебов встретил его тогда у самого гаража, представился и попросил открыть ворота с дверью для осмотра. Права проводить обыск у него не было, однако бегло осмотреть машину с гаражом он мог.

Когда оба зашли внутрь, то увидели подвешенное на крюк тело девочки восьми лет. Именно ее и искали правоохранители. Сержант тут же достал пистолет и повалил мужчину на землю, доложив о случившемся начальству.

Петренко вспоминал свое первое впечатление при виде несчастной. Ему захотелось провалиться под землю, утонуть, повеситься. Лишь бы не видеть ужасной картины смерти, которая предстала перед его взором. И ныне он вновь возвращается в этот страшный день. Он видит все ее мучения, совершенные, как он сам полагал, не им.

– Гражданин Петренко, это ваша собственность? – Спросил Михаил.

– Да.

– Открывайте. – Приказал сыщик.

Двое сотрудников милиции оперли тяжелую дверь гаража. Зажгли лампу. Внутри все озарилось желтоватым едким светом. С тех пор, как здесь нашли тело Зины, помещение показалось прибранным и тщательно отмытым. Не висело здесь и веревки, не торчал портовый крюк. Все выглядело чинно, чисто и умоляюще мирно.

– Гражданин Петренко, когда вы привезли сюда девочку, она находилась без сознания?

– Да.

– Где вы оставили машину?

Игорь снова замялся. Он осмотрел собственный гараж и не узнал его. Все как-то по-другому, все очень чисто и пусто. Никаких следов бывшего беспорядка. Петренко даже толком не слышал, что говорят ему за спиной. Он все время вглядывался в полки, шкафы, в бетонный пол, на котором, правда, еще оставались высохшие следы крови. Нигде не наблюдалось даже следов обыска. Порядок напрягал и его самого, не то что оперативников.

Капитан тоже смотрел на все с небольшим изумлением, но выказывать своих истинных ощущений он не стал, да и не было в этом необходимости.

– Повторяю вопрос. Где вы оставили машину?

Наконец Петренко очнулся и едва понимая, о чем говорит, резко выпалил:

– На улице.

– Где именно? Нам важно это знать.

– За гаражами, там есть место, где небольшая кучка щебня, вы ее увидите, если обойдете.

– Что вы делали с жертвой, когда притащили ее сюда? Вы ждали, когда она придет в сознание?

Петренко глубоко вздохнул. Он переставал элементарно понимать, чего от него хотят. Крылов же вел себя спокой-

но, но настойчиво. Внутри него созревала и крепла мысль о том, что он что-то упустил. Ему казалось, будто убийцу нужно искать в другом месте, а он сейчас тратит время зря. Эта уверенность все время подпитывалась и росла по мере допущения все большего числа ошибок со стороны несчастного. Он путался в своих же показаниях. Выдавал по одному и тому же обстоятельству совершенно разные мнения. Когда признание подписано, а все карты складываются против Петренко, Игорю придется признаться во всем и он в подробностях расскажет о совершенных им злодеяниях. На деле же предполагаемый триумф Михаила Крылова как крутого детектива превращался в бумажную победу, за которую становится стыдно.

Но при этом всем в нем теплилась призрачная надежда на реальность маньяка, находящегося. Убийца настоящий и преступление совершил именно он.

– Что вы делали с жертвой, повторяю? – С чуть меньшей уверенностью в голосе потребовал ответа следователь.

– Я привел ее в чувство и заставил раздеться. Потом привязал ее вон к тому стулу и стал... – Игорь сглотнул, пытаясь подобрать нужное слово и произнести его. – Я стал ее насиловать, закрывать рот, чтобы она не смогла кричать.

– Как это происходило? Покажите нам.

Из багажника одной из машин достали манекен девочки и протянули его Петренко. Тот сначала не взял ее в руки, но спустя некоторое время все же подчинился.

Далее он принялся показывать, как именно он насилывал девочку. Опять же, его слова очень сильно расходились с результатами экспертиз. Они показывали, что маньяк совершал действия сексуального характера не только половым органом, но и тяжелыми металлическими предметами, овощами и даже засовывал в девочку леску. Такой изощренности в словах и описаниях мужчины не наблюдалось. Он в очередной раз либо врал, либо вообще не помнил такого.

– Подозреваемый, отчего она скончалась? – С уже видимой скукой в голосе спросил капитан.

– Она умерла от обширных внутренних кровопотерь, насколько я знаю. Спустя примерно двенадцать часов после изнасилования я добил ее ножом.

– Как вам удалось подвесить ее на крюк?

Мужчина сморщился и стал покачиваться на месте. Безусловно, он не знал, как технически правильно подвесить девочку на кран. Приходилось выкручиваться.

– Я натянул веревку от одной стены до другой, затем подвесил крюк. После смерти ребенка я проделал неглубокие раны на плечах и пользуясь ими, посадил на крюк девочку.

Петренко импровизированно показал и это действие. Иногда казалось, что его изобретательности мог бы позавидовать самый рукастый инженер. К сожалению, вся энергия этого человека ушла в не совсем полезное русло, отчего становилось вдвойне обидно и страшно.

– Почему вы явились в гараж после звонка, хотя знали,

что вам звонят из полиции?

Самый простой и резонный вопрос, на который у Игоря не было подходящего под ситуацию ответа. Что ж, если он скажет правду, ему тем более не поверят.

– Я просто забыл, что не убрал тело с крюка, напился. Такое иногда со мной бывает. А потом отлучился ненадолго и хотел по приходу прибраться, однако меня опередили.

С неожиданным, но одновременно логичным вопросом выступил Бельцер:

– А почему вы не напали на сержанта?

– Побоялся, подумал, могут еще и смерть милиционера накинут вдогонку.

Пока мужчина во всех подробностях рассказывал о своих злодеяниях, Крылов ненадолго отлучился и обошел гараж. По предположению мужчины, именно там должна была находиться «Волга». Но на месте ничего не оказалось и капитан, обойдя еще несколько близлежащих мест, вернулся обратно. Вопросов к Петренко меньше отнюдь не становилось. Более того, они наслаивались друг на друга и создавали новые путаницы.

Капитан завершил следственный эксперимент с тяжелым камнем на душе. Какое-то странное внутреннее чувство говорило ему о систематических странностях. Этот блеклый и ничем не примечательный мужчина в наручниках на себя намеренно наговаривает. Сваливает вину за чужие грехи под давлением его самого – капитана полиции. Михалу ста-

ло противно на душе, он как можно реже старался смотреть на Игоря и еще меньше слушать его. Смутные семена сомнений, зародившиеся в нем еще с самого дня поимки Петренко, сейчас проросли в полноценную убежденность, что человек перед ним – не убийца, а жертва.

Подталкивал и подкреплял его уверенность и Бельцер. Он и вовсе с самого начала твердил коллеге, впихивал в него зерна сомнений. И вот наконец, они проросли. Игорь Петренко лишь жертва чье-то злостной подставы, цель которой – уйти от ответственности. Изю дня в день их общее с психологом убеждение росло, крепло и в итоге уже по завершению эксперимента оба точно знали – убийца кто-то другой.

Признательные показания, полученные под давлением, не стоили для них теперь ничего. Оба понимали – назад ничего не вернешь. К тому же началось производство дела и так как доказательства на лицо, Игорю не отвертеться.

Окончательно уверенность следователей в невинности Петренко подтвердилась на следующее утро.

В маленькое квадратное оконце с большим трудом пробивались лучи вечернего света. Морозящий дождь перешел в сильный ветреный снегопад. Улицы, тротуары, набережную и бульвары занесло тяжелыми, мокрыми сугробами. Весь задний двор изолятора также засыпало снегом. Небо озарилось привычными для здешних вечеров оранжевыми цветами. Свет от прожекторов и тюремных фонарей смот-

релся на фоне светлого серого неба лишь жалким подобием освещения.

Игоря привели в камеру примерно в половину восьмого вечера и оставили наедине с самим собой. Выглядел он ужасно. Водная от стаявшего снега голова, полностью промокшая куртка, обрамленные синяками глаза. Продрогшие дряблые ноги. Мужчина походил больше на мученика, нежели на вора-рецидивиста с некогда жестким уличным характером. Все в нем говорило об истощении. Он почти не ел пищу, которую приносили по расписанию, не пил мутную как сама жизнь воду. Игорь лишь с жадностью облизывал все пространство вокруг губ, стремясь собрать как можно больше влаги, скопившейся от дождя и снега.

Как только он сел у стены в попытках согреть себя, его снова захлестнули рассуждения. Мужчина размышлял о том, все ли он в жизни делал правильно. Полчаса или даже больше он неподвижно сидел на одном месте и просто смотрел в стену, пытаясь взглядом просверлить в ней путь к свободе. Мысли о впустую потраченных некогда возможностях смогли среди десятков капель дождя выбить у мужчины пару слезинок. Соленая на вкус вода сразу чувствовалась на языке. Петренко еще давно осознал ничтожность прожитых лет, мужчина очнулся слишком поздно. Настолько поздно, что не сумел уйти от прошлого. Вера, державшая его последние два года, постепенно покидала Игоря и, как и слезы, испарялась в воздухе. Быть может, еще не все потеряно?

К камере снаружи подошли, в замочной скважине зашебуршал ключ. Тяжелый металл, грохоча и скрипя, постепенно отворился, открывая вид на темный серый коридор. На пороге перед Игорем, измотанным и продрогшим, стоял Бельцер и уныло вглядывался ему в глаза.

Александр Германович устало оглядел каморку, будто находился здесь в первый раз. Его кирпичного цвета кожаная куртка сильно контрастировала с мрачно-зелеными стенами изолятора и из-за нее мужчина выглядел молодо. На голове находился странный аксессуар. Странный из-за неподходящих погодных условий. То была кепка белого цвета. В руках этот интеллигентный мужчина держал толстую сумку, уже потрепанную временем. Прежде чем войти в камеру, он вежливо спросил:

– Позвольте я войду?

Петренко кивнул и попытался привстать. Это Бельцеру пришлось не по душе и он вновь учтиво произнес:

– Сидите, я ненадолго к вам. Хотелось кое-что вам сказать.

– И что же? – Дрожащим от холода голосом спросил Петренко.

– Ну, во-первых держите.

Бельцер потянулся к своей сумке и вынул из нее теплую черную кофту, на вид она как раз подходила Игорю.

– Благодарю. А это разве... Правилами не запрещено?

– Запрещено, ну что поделать? Жалко мне вас.

Мужчина по собачьи наклонил голову в бок, не понимая, что имеет в виду психолог. Его тело распрямилось, а он сам несколько подался вперед, желая лучше понять Бельцера.

Александр Германович почесал ухо и с досадой в голосе продолжил:

– Я пришел сюда не за тем, чтобы пожалеть вас, у меня нет такой задачи, чтобы вы не думали.

– И зачем же? – С любопытством спросил Игорь.

Психолог не знал как начать свою мысль. Он уже успел пожалеть о приходе сюда. Как бы там не было, а совесть не позволяла ему промолчать и уйти, так и не сказав правды.

– Вы знаете, мы пришли с капитаном Крыловым к выводу, что убийца не вы, а кто-то другой. Кто именно, мы конечно не знаем. И самое печальное, мы осознали это слишком поздно.

Поначалу Игорь не понял суть сказанного, у него путались мысли, болела голова. Он не мог грамотно сформировать эмоции и выводы в слова и предложения. В его лице сквозило глубокое чувство замешательства. Александр Германович в очередной раз почесал ухо и тяжело опустив голову, продолжил:

– Я пришел к вам потому, что не могу не сказать вам это. Правила запрещают, но кому как не мне их нарушать. Мой коллега не в курсе событий. Он не знает о моем приходе к вам. – Бельцер смотрел в пол и с усилием продолжил. – К сожалению, мы слишком поздно пришли к этому понима-

нию.

Замешательство Петренко переросло в возмущение. Он уверенно спросил:

– Бога побойтесь, вы обвинили меня в том, чего я не совершал. За что? Дело хотите быстрее закрыть, Ироды?!

Мужчина все же встал. Игорь еле сдерживал себя от того, чтобы подойти к психологу и проломить ему череп. Пока еще не угасшая вера в людей и бога сдерживала его.

– Есть шанс все исправить, если мы поймаем настоящего маньяка. Тогда вас оправдают.

– А какие гарантии, что вы его поймаете... Мне почему-то видится, что вы и сами этого не знаете. Да и сколько месяцев, лет мне придется пробыть здесь в компании темноты с тишиной, да тюремных крыс?

Петренко внешне выглядел очень спокойно и рассудительно, но внутри у него бушевала буря. Он искренне не понимал, зачем ему жизнь, в которой систематически нет везения и счастья. Достать бы осколок из воротника кофты и прямо на глазах у этого ушастого гада вскрыть себя. Мужчина держался, стискивал зубы от глубокой душевной муки. Петренко с каждой минутой угасал все сильнее и сильнее.

– Гарантий дать не могу, простите... Но мы с нашей стороны сделаем абсолютно все, чтобы преступник был пойман и вы смогли полностью омыться от грехов, вам приписанных.

– Да хватит врать! Вы по долгу службы каждый день копаетесь в людях и врите им. Врите, чтобы вам платили. Даже

не понимаю, как Господь таких людей на Земле терпит.

Александр Германович не мог сдерживать сожаления. Он намеренно смотрел в пол и выглядел скорее как шкодли- вый кот, нежели как опытный психолог и умудренный жиз- нью человек. Он постоянно теребил пальцы и отводил взгляд от Петренко. Они словно поменялись местами. Один из них виновен, другой обвиняет. Очевидная ошибка, которая при- ведет к тому, что человек лишится свободы до конца сво- ей жизни. Кто знает, может Крылову с Бельцером не удаст- ся доказать непричастность Петренко к преступлениям, со- вершенным настоящим маньяком. Игорю, забитому и устав- шему от этой жизни, остается надеяться лишь на чудо или в крайнем случае на бога.

– Ублюдок! – Вырвалось из уст мужчины. Он закрыл ли- цо руками и снова рухнул у стены. Из его глаз полились сле- зы. На этот раз от безысходности и вечных по жизни страда- ний. Боль и сплошная мука – вот его жизнь. Бельцер смотрел на эмоции Игоря и не мог сдержать свои. Тело не слушалось и тряслось, не то от стыда, не то от раскаяния.

Как грешник, бегущий от карающего меча правосудия, психолог медленно поднялся со стула и вышел из камеры. Ключ в его ненадежных, дрожащих руках с трудом прокру- тился дважды по часовой стрелке. Александр Германович теперь останется наедине со своими мыслями, а это самое страшное. Совесть сожрет его и не подавится.

Психолог устало потопал по знакомому коридору наверх.

Его ждет дома семья. Только вот он понимал, что мысли его будут находиться совсем в другой стороне. В теле царил необъяснимая тяжесть, нутро переполнялось сожалением и горечью. Впервые за столько лет он задумался о том, правильным ли путем идет и сколько еще на его долю выпадет испытаний. Пожалуй, ему нужно будет напиться и хотя бы ненадолго уйти от своих ошибок, ставших фатальными для другого человека.

Петренко закрыл лицо морозными руками, горели щеки, полыхала кожа на лице и шее. На душе такой гадости у него не было еще никогда. Ни один человек в жизни не нанес ему столько боли и страданий, сколько Бельцер с Крыловым. Эти двое легкомысленно решили и без веских доказательств, что он маньяк и заслуживает участи до конца жизни гнить в тюрьме. Не в силах справится со стрессом, Игорь вырвал у себя клочок волос и заорал от боли. Из носа от перепада давления пошла кровь.

Мама, домик в деревне, весенний дождик. Все немногочисленные светлые мысли сбились в кучу и родили только одну, самую главную идею. Идею, в которой он объединит все хорошее, что когда-либо происходило в его жизни.

Игорь просунул дрожащую руку за шиворот и достал оттуда ранее отточенный кусочек стекла. Острый и желанный, он становился мягким в бережных руках набожного страдальца. Еще утром мужчина практически не сомневался, он обязательно использует созданное им орудие избавления.

Теперь-то, когда все иллюзии и страхи рассеялись, мыслей насчет того, стоит ли действовать, больше не оставалось.

Мужчина снял куртку, затем старую рваную кофту под ней и, никуда не торопясь, положил все на стол. Затем он поднял черный свитер, принесенный Бельцером и осмотрел его со всех сторон. Игорь усмехнулся вслух. Цена оправдания не стоит вины. Какими бы не были извинения, он все равно остается здесь, запертым в бетонной клетке и обреченным гнить заживо.

Осколок стекла нежно прикоснулся к коже на огрубевшем запястье, оставив маленькую царапину. Игорь проверил действие своего детища. Даже легкого прикосновения хватило для того, чтобы оставить неглубокий, но четкий кровавый след.

За окном завывала последняя метель, кружилась и запева- ла одинокие песни. Буря вдувала через потрескавшееся окно частицы свежего воздуха вместе с крупными снегами. Ветер как мог пытался пробить окно, дабы помешать грешнику совершить задуманное. Вьюга выла, скрипела, наметала снег. Но все тщетно. Игорь надел черную кофту и подошел к отверстию, отделяющее его от настоящего, красивого, пускай и холодного мира. Кожа стала гусиной от мороза, царившего внутри, но на это можно не обращать внимание. Ветер с еще большей силой и остервенением пытался пробиться к узнику. Старенькое окошко с трещинами достаточно надежно защищало от вьюги, от божьего гнева.

– Злишься на меня, Господи. – Прошептал он нежно.

Игорь с упоением достал из под кофты темный дубовый крестик и поцеловал его. Затем сжал в кулак и с силой вырвал цепочку, державшую распятие на груди.

– Отрекаюсь от тебя, Господи.

Крестик с цепочкой Игорь положил на стол. Затем он медленно, но уверенно взял в руку стекло и подведя его к левому запястью, резко полоснул себя. Из вены хлынула небольшой струйкой багровая теплая кровь. Поначалу мужчина почувствовал только тупую боль, но затем наступил момент, когда пульсирующее ощущение ада превратилось просто в неприятный зуд, а затем и вовсе в странное облегчение.

Следом за левой рукой последовала и правая. Кровь оттуда тоже хлынула потоком, заливая пол вокруг. Кожа онемела и побелела, а глаза тихонько закрылись, не в силах вновь открыться и в последний раз посмотреть на мир.

Ощущение райского удовольствия перемежалось с сонливостью, с которой Игорь оказался не в силах бороться. На лице застыла улыбка. Перед потухающим взором пронеслись за несколько секунд мама, друг, бывшая жена, кусочек свежеиспеченной булочки, изнасилованная им пятнадцать лет назад девочка и многие другие яркие образы, оставшиеся в памяти навсегда. Они смешивались, комбинировались и постепенно погружали мужчину в вечный сон.

Кровь вытекала уже с большой неохотой, образуя большую лужу на полу камеры. Сознание окончательно пому-

тилось, когда Петренко в последний раз вдохнул сладковато-едкий запах русской тюрьмы. А за окном набирала силу и обороты суровая громкая вьюга. Снег кружился, метался и микроскопическими частицами опадал сквозь стекло на холодеющее тело грешника.

Иногда хочется порадоваться за таких людей и сказать: «отмучались». Никто так и не узнает, в какой мир попадет душа Игоря. Жизнь его состояла из грехов и страданий. Лишь смерть в такой момент может стать настоящим облегчением. Вот и она.

Его обнаружили примерно в семь часов следующего утра во время обхода. Дежурный заметил, как из камеры задержанного прямо у двери натекла огромная темная лужа. Молодой прапорщик с ужасом открыл дверь и, не в силах что-либо объяснить, сообщил в отдел. Когда на место прибыли Крылов с Бельцером и Степаном Викторовичем, от Игоря Петренко осталась только яркая, как рассвет солнца, улыбка на мертвом, холодном лице.

Часть II

«География подлости, орфография ненависти

Апология невежества, мифология оптимизма

Законные гаубицы благонравия

Знатные пиришества благоразумия

Устами ребенка глаголет яма

Устами ребенка глаголет пуля»

Е. Летов «Русское поле экспериментов»

«Актер»

– Сергей, я думаю с вашими страхами мы разобрались, давайте приступим к следующей теме. – Облегченно выдохнул Бельцер, глядя в лицо своему посетителю и теребя наконец ручку.

Тот с большой охотой спросил:

– Какой же?

– Поговорим с вами о вашей работе. Скажите мне, чем вы занимаетесь?

Мужчина по другую сторону стала несколько замялся и, поразмыслив, ответил:

– Я работаю швеей. Люблю шить.

Человек лет тридцати сидел перед психологом и рассказывал ему о том, из чего состоит его жизнь, полная проблем и страданий. Александр Германович частенько принимал у себя в кабинете людей, которым требовалась психотерапия и квалифицированная помощь специалиста. Прием он вел прямо в отделении милиции. Начальство не одобряло, но терпело, покуда штатный психолог хорошо выполнял свою работу.

Безусловно, услуги стоили денег. Один час копания в мозгу варьировался от тысячи до полутора тысяч рублей, что зависело от сложности ситуации и получаемых результатов.

Стоит сказать, Александр Германович охотно стремился

помочь всем приходящим к нему на прием, благо он вел его не в рабочее время. Но и цвет денег он тоже очень любил. О чем, правда, стеснялся признаться даже самому себе.

Тем временем разговор между двумя мужчинами продолжился:

– Сергей, скажите, а вам сама работа нравится?

– Нет, не люблю. Я шить хочу, но работа – нет.

– Быть может вас там угнетают, не дают творческой свободы, свободы выбора? Скажите мне, я сохраню это в тайне.

Мужчина стеснялся. Его движения сковывались по рукам и ногам, он старался лишней раз не показывать своего настроения лицом и движениями головы. Ноги он сомкнул вместе. Красные, опухшие, но красивые глаза мужчины направлял в сторону, будто стараясь что-то найти в кабинете. То, чего сам Бельцер никак не может отыскать.

Сергей красил губы неяркой помадой. Красил он и ресницы. Но все делал так, что почти никто не замечал его стараний по уходу за собой. На голове тоже соблюдался порядок. Длинные волосы вкупе с гладкой кожей на подбородке и под носом на каком-то отдаленном восприятии превращали его в девушку. Более того, шевелюра и вовсе часто приобретала лиловый цвет, что уж совсем выглядело чуждо в крупном провинциальном городе образца начала и середины нулевых.

Сергей немного приподнял хищно-зеленые глаза и обыкновенным для себя печальным тоном сказал:

– Я не знаю, меня все не любят. Где бы я ни был. Придираются.

– Кто именно к вам придирается?

– На работе, другие швеи, коллеги. Но они ладно, они женщины. Ко мне подходят молодые люди на улицах и регулярно бьют. Вас вот не бьют, а меня бьют, понимаете?

– Да, понимаю. Продолжайте. – Вздохнул психолог и подвел правую руку к мочке уха.

– Я хочу уйти с работы, но не могу. Я очень люблю ее, но не переносу. Вы же свою работу любите.

Бельцер столкнулся со сложным случаем, в человеке перед ним боролись за первенство два совершенно разных начала. Одно говорило: ему нужно жить по правилам, терпя и молясь. Второе наставляло, что свобода выбора – превыше всего. Сергей здесь именно для того, чтобы определиться. Над этим и работал психолог.

– Ну, уж если вы сравниваете свою работу с моей и тому подобное, то на самом деле это говорит о вас, как о личности, которой нужен какой-то мотор, сильный человек рядом. Вы это понимаете?

Мужчина замялся, но кивнул, что понял. Александр Германович продолжил:

– Перестаньте к этому стремиться. Это сложно, понимаю. Но сейчас наша с вами задача – отыскать сильного человека в себе самом.

– И как это сделать? – Приподнял глаза Сергей.

– Скажите мне, когда вас оскорбляют, вы как себя ведете?

– Также, как и вы, наверное.

Александр Германович ухмыльнулся и с добротой посмотрел на своего клиента. Быстро учится.

– А вы молодец, уже понимаете меня. Правда, касаясь меня, я в конфликтах очень часто чересчур интеллигентен. Это мелочи, ведь мы говорим о вас. Как же вы себя ведете в конфликтах? Вспомните пару ситуаций из вашей жизни.

Сергей снова потупился, затеребил молнию от бордового комбинезона, прекрасно подходящего к его лилового оттенка волосам. Наконец после двух длинных вздохов его мягкий, подвижный голос ответил:

– Я могу заплакать, могу начать молиться богу, хоть в него и не особо. Верю. Могу убежать, но это получается очень редко. Чаще все заканчивается ударами в живот и иногда в лицо. Больно.

Как бы моделируя неприятные ощущения, Сергей закрыл корпус рукой. Бельцер же опустил на мгновение взгляд:

– Вот видите, дело не в работе, а в вас. Давайте попробую посоветовать конкретные шаги. Они помогут вам в различных жизненных ситуациях. – Александр Германович взял ручку и принялся писать на одиноко лежавшем листке бумаги.

– В первую очередь купите вот этот препарат. Он продается в любой аптеке и стоит в пределах двухсот рублей. Я думаю у вас найдутся такие деньги. Принимайте его утром

и вечером в течении двух недель.

– А зачем?

– Он помогает вашей нервной и сердечно-сосудистой системам успокоиться. Я заметил, вы регулярно дергаетесь и ерзаете на стуле. Могу сказать, что у вас очень нестабильная и активная нервная система. Таблетки помогут привести ее в норму.

– Я стану овощем? – В небольшом шоке в глазах спросил посетитель.

Александр Германович снова улыбнулся и выдал короткий смешок:

– Нет, что вы. Просто вы станете меньше нервничать в стрессовых ситуациях. А значит будете трезвее мыслить, мозг прояснится. Дальше вам нужно потренироваться на себе. Займитесь самовнушением. Это очень эффективная штука.

– Как это?

– Просто. Вам необходимо вслух говорить себе о том, что вы имеете право жить так, как хотите. Можете варьировать фразы, но суть должна оставаться такой: «Я сильный, и вы это видите». Вы понимаете меня?

– Да. – Неискренне ответил мужчина, но несколько глупый совет принял. – А вы уверены, что это принесет плоды?

Александр Германович замялся. Все же он сторонник традиционной психотерапии. Пациент перед ним не самый сложный. По крайней мере на первый взгляд. В его слу-

чае использовать экспериментальные и ненаучные методы по меньшей мере ненадежно.

Психолог замялся, несколько сжал кулак и с улыбкой ответил:

– Я думаю, попробовать стоит. А касаясь неуверенности в себе, вам потребуется для начала привести свои мысли в порядок.

– Как?

Бельцер задумался, потом мерно ответил:

– Ну, сначала приведите свой дом в порядок, создавайте планы на день, можете вести дневник и заодно писать заметки.

Мужчина кивнул ему. Александр Германович продолжил:

– И еще, на следующий прием я подготовлю вам специальный тест, который вам потребуется пройти, хорошо?

Мужчина уже готовился встать со стула, но тут же присел и заискивающе посмотрел на Бельцера.

– Доктор, а у вас часто стресс возникает?

Александр Германович подвел глаза к потолку и отмахнулся:

– Знаете, по долгу службы часто бывает. И бессонница мучает и многое другое.

– А как вы с ними справляетесь, позвольте узнать?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.